

Рина Влас

МАСКА И ПЕРО

ОДНА ИГРА.
ДВЕ МАСКИ.

Рина Влас

Маска и Перо

«Автор»

2026

Влас Р.

Маска и Перо / Р. Влас — «Автор», 2026

Пангея — империя, где грязь соседствует с роскошью. Балы аристократов, дым фабрик, агенты Тайной Канцелярии. Но в стране зреет революция. Люди всё чаще бунтуют, а Шут — вор в смеющейся маске — совершает дерзкие преступления, подрывающие авторитет власти. Ситуация лишь усугубилась, когда в столице Пангеи, Пертрене, люди начали шептаться о книге авторства Золотого Лебедя. Его цитируют студенты, под знаменем его слов выступают рабочие. Эвелин Де ля Рош — дочь министра Просвещения. Она идеальная аристократка с безупречной репутацией и будущая невестка главы Тайной канцелярии. А ещё она — та самая Золотая Лебедь. Просто пока об этом не знает. Её рукопись, написанная тайно, чтобы убить время, украли и напечатали. Её слова стали знаменем революции. И теперь Эвелин предстоит решить, кто она: послушная дочь империи — или голос, который её разрушает. А где-то на крышах Пертрена человек в маске Арлекина уже ищет с ней встречи. Революция началась.

© Влас Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тайна Золотого Лебедя	8
Глава 2. Прогулка по крышам	13
Глава 3. Золото за чёрными кудрями	19
Глава 4. Салонные сплетни и явление маски	22
Глава 5. Нижний город	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рина Влас

Маска и Перо

Пролог

- Остановите карету именем закона! Ищем опасного преступника, - командный голос жандарма разрезал тишину ночного Пертрена. Кучер тут же натянул поводья и четвёрка коней застыла, недовольно ржа. Под тёплым светом фонарей стал отчётливо виден герб на дверце кареты. Змея, обвивающая весы с книгами. Стоящий рядом со старшим напарником молодой служитель закона побледнел. Род Де Ля Рош - один из самых древних и самых влиятельных.

- Может, не стоит? - начал было юнец, но договорить не успел. Дверца экипажа распахнулась и на них посмотрела молодая аристократка с тщательно завитыми и уложенными золотистыми волосами и проницательными почти синими глазами.

- Добрый вечер, месье, - едва заметно кивнула она жандармам. Девушка ничем не выдавала недовольства внезапным обыском кареты. Даже губы изогнула в вежливо-дружелюбной улыбке.

- Мадемуазель Де Ля Рош, - почти синхронно поклонились мужчины и отдали честь. Затем старший в паре вновь посмотрел на дочь министра - Извините за беспокойство. Мы ищем одного опасного преступника. Вы не видели ничего подозрительного?

Цепкий взгляд мужчины уже прошёлся по сидениям, будто и впрямь надеялся, что в освещённой четырьмя светильниками карете может кто-то спрятаться.

- Извините, но нет. Я была увлечена чтением, - в качестве подтверждения девушка показала книгу, которая до этого покоилась на её коленях.

- Благодарим за сотрудничество, мадемуазель. В таком случае, хорошего Вам вечера и будьте осторожны, - мужчина закрыл дверь кареты и махнул кучеру. Экипаж тут же двинулся дальше, мерно покачиваясь на неровной брусчатке.

- Думаю, теперь вы можете выбираться, - спокойно сообщила девушка пустоте кареты. Соседнее кресло мгновенно откинулось и из него грациозно выбрался мужчина в белой маске улыбающегося шута. Его волосы были скрыты под глубоким капюшоном, а остальную одежду скрывал бесформенный плащ, который впрочем не сковывал движений самого разыскиваемого преступника Империи.

- Благодарю, очаровательная мадемуазель, что не передали меня в заботливые руки славных служителей правосудия, - он галантно поклонился, но от иронии в его голосе можно было задохнуться.

- Не стоит. Считайте это благодарностью за тот раз, когда не дали мне упасть с крыши, - девушка продолжала вежливо улыбаться, как будто вела светскую беседу на одном из приёмов. Её идеальной осанке могла позавидовать сама дочь императора.

- Ах, вы про тот случай! Тогда, к сожалению, не успел поинтересоваться, но что сиятельная дочь министра Просвещения делала ночью на крыше? - он вальяжно закинул ногу на ногу, устраиваясь поудобнее и явно не спеша покидать чужую карету. - Просто представьте моё удивление. Обычно на крышах мне встречались птицы, да бродячие коты. Пару раз видел влюблённых парочек и пьяниц, но вот знатных дам до того вечера встречать не доводилось. Или я чего-то не знаю о новых модных веяниях в аристократических кругах?

- Месье Шут, я же не спрашиваю вас, как вы умудрились проникнуть в мою карету и почему вас преследуют на этот раз? Так оставьте и мне возможность сохранить мои девичьи секреты.

Шут склонил голову набок. Сквозь прорези было трудно разглядеть его глаза, но он явно разглядывал свою невольную спутницу.

- Мадемуазель Крыша, неужели вы нисколько не боитесь, оказавшись в замкнутом пространстве с самым разыскиваемым преступником империи? - Он наклонился вперёд и маска замерла в nepозволительной близости от лица девушки. Однако та не дрогнула, спокойно разглядывая Шута, как диковинный экспонат на наскучившей выставке.

- Сомневаюсь, что мой страх как-то меня спасёт, месье Вор, - это было сказано всё тем же спокойным тоном с всё той же улыбкой. Шут отстранился и задрал голову. Из глубин маски послышался смех.

- Примите моё глубокое восхищение, мадемуазель. Не каждый мужчина может похвастаться вашей выдержкой, - и он вновь театрально поклонился, прижимая одну руку к груди, а другую отводя в сторону. Теперь можно было разглядеть скрытый под плащом костюм. Синий мундир, пародирующий форму жандармов, с нашитыми масками арлекина вместо эполетов на плечах и простые чёрные брюки.

- Вы мне льстите, - последовал шаблонный ответ. - Лучше скажите, куда вас отвезти?

Тонкий намёк поскорее убраться гость явно специально не заметил.

- С вашей стороны было бы крайне мило меня подвезти, но, боюсь, для этого вам придётся сделать очень большой круг по всему городу.

- Вот как? И что вы в таком случае предлагаете? - сдержанно поинтересовалась девушка.

- Вы можете высадить меня неподалёку от вашего дома, - невинно предложил преступник.

- Думаю, лучше, если вы выйдете неподалёку от площади Висельника. Там много улочек, где вы сможете затеряться, - мило улыбаясь предложила аристократка. Площадь, с давних времён предназначенная для казней и впрямь удивляла количеством ответвлений. Девушка тут же отдала распоряжение кучеру, не дожидаясь ответа собеседника.

- Как это любезно с вашей стороны, позаботиться о том, чтобы я точно мог скрыться, - почти умилился Шут. - Может моя спасительница скажет своё имя? Не то чтобы я его не знал, но в ваших кругах, кажется, крайне высоко ценится вежливость.

- Думаю, месье Шут, отсутствие знания имён придаёт нашему общению определённый шарм, - мило улыбнулась Де Ля Рош.

- Раз того желает мадемуазель... - протянул мужчина, переводя взгляд на книгу. Обложка чудом не помялась, находясь в тисках напряжённых девичьих пальцев. - Позвольте полюбопытствовать, что за издание смогло привлечь ваше внимание?

- Труд по философии, - поддержала она светскую беседу коротким ответом.

- Какой интересный выбор книги, - заметил собеседник, явно читая название. - Признаться, думал вы читаете какой-нибудь милый роман из тех, что популярен среди благородных дам.

- О, вы несильно ошиблись, - улыбка девушки стала чуть шире и хитрее. Впервые за разговор она показала хоть каплю истинных чувств, скрытых за фасадом манер. - Такой роман ждёт меня дома на прикроватной тумбочке.

- Вот как, - протянул Шут, откровенно забавляясь. - Неужели описанные в подобных романах страсти больше склоняют к крепкому сну, чем труды по философии?

Он вновь чуть склонился к девушке, но ответить она не успела. Кучер остановился.

- Что ж, думаю вам пора. Доброй ночи, - вежливо попрощалась аристократка. Ей почти удалось скрыть облегчённый вздох.

Однако прежде чем бесшумно покинуть карету, Шут лёгким движением взял её правую руку в перчатке и приложил к маске в районе нарисованной улыбки.

- Доброй ночи, мадемуазель Крыша. Был рад нашей беседе, - но прежде чем дверца кареты успела закрыться, Шут добавил. - Надеюсь при следующей встрече мне повезёт, и вы будете без перчаток.

Он растворился в темноте раньше, чем его спасительница успела оправиться от шока. В высшем свете мало смельчаков, которые рискнули бы высказать столь неприличные намёки в адрес дочери министра.

- Вот же бесстыжий... - подобрать приличных эпитетов, способных описать этого наглого типа у Эвелин не получилось, и она в первый раз посчитала свой словарный запас скудным. Ей оставалось лишь раздражённо выдохнуть, переставая улыбаться и откидываясь на удобное сиденье. Манеры и этикет - маска ничуть не менее эффективная, чем у Шута, но куда более трудозатратная.

От встречи с преступником сердце до сих пор заходило, а мысли панически бегали, представляя, как для неё могла закончиться эта поездка и какими последствиями обернётся в дальнейшем.

Бросив рассеянный взгляд на свои руки, она застыла. Перчатки на левой руке не было и не нужно было работать в жандармерии, чтобы догадаться, кто незаметно её снял, пока имитировал поцелуй. Эвелин усмехнулась. Шут умел не только пугать, но и интриговать. Однако девушка искренне надеялась, что знаменитый преступник не будет настолько в ней заинтересован, чтобы узнать её секрет. Ведь Эвелин Де ля Рош является второй самой разыскиваемой личностью в Пангее.

Глава 1. Тайна Золотого Лебедя

Вот уже год по всему Пертрону слышалось одно имя. Его обсуждали в аристократических салонах и шептали в закоулках трущоб, выкрикивали в тавернах и произносили на балах - Шут.

Его смеющаяся тень накрывала всю столицу, не давая спокойно спать аристократам и жандармам, вселяя надежду в рабочих и крестьян. Его маска неизменно украшала первые страницы новостных газет, а слухи о нём расползались по городу быстрее, чем утренний туман.

"Вы слышали? Шут заменил портрет императора карикатурой на открытии летнего дворца императорской семьи!"

"Шут украл казну губернатора, а вместо неё оставил кучу копий документов о присвоении денег народа".

"Вчера Шута видели на крышах. Он разбрасывал копии переписок помощника министра финансов. После этого, того помощника посадили за взятки".

Именно поэтому Эвелин Де Ля Рош ожидала увидеть этим утром на первых страницах новости о насмешнике в маске. Она читала утренние газеты, сидя на балконе своих покоев. Прохладный ветерок заставлял её кутаться в любимую шаль, накинутую поверх бежевого домашнего платья, а знаменитые на всю Пангею золотые локоны Эвелин позволила себе забрать в слегка небережную причёску.

Она без особого интереса просматривала светские хроники в ожидании завтрака, лишь изредка отвлекаясь на созерцание сада. Слуги убирали опавшие золотистые листья, мокрые после ночного дождя. Совсем скоро деревья и кусты полностью облысеют, ветер станет ещё холоднее и до весны Эвелин придётся забыть о завтраках на открытом воздухе.

Она отложила прессу со сплетнями высшего света, в которых не нашла ничего интересного, и приготовилась читать новости, где наверняка вновь хоть одна статья, но будет посвящена Шуту. Одно лишь упоминание о нём за этот год стало вызывать у дочери графа раздражение ставшее частью утренней рутины.

Однако вместо громких заголовков о неуловимом преступнике Эвелин увидела совершенно другие слова: "ДОЛОЙ МАРИОНЕТОК ПОРЯДКА!"

Девушка едва заметно нахмурилась. Это нарушало обычный порядок вещей, а сам заголовок почему-то рождает смутную тревогу. Эвелин забежала глазами по строчкам, привычно сохраняя безмятежное лицо.

"Вчера на улицах Пертрена были подавлены волнения. Зачинщиками стали студенты, начавшие выкрикивать на улице цитаты из "Карнавала марионеток" авторства некоего Золотого Лебедя. Данное крамольное чтиво появилось на улицах столицы не так давно, но уже послужило причиной волнений в народе.

Несмотря на то, что бунтовщиков удалось подавить, личность автора до сих пор неизвестна. Студенты-зачинщики говорят..."

Есть ли интересные новости, мадемуазель Эви? - Мари вошла, стараясь аккуратно нести поднос. Воздух наполнился запахом свежих булочек и чёрного чая. Эвелин как всегда не глядя успела поймать вазу с цветами, которую служанка задела, расставляя тарелку и чашку. О неуклюжести Мари ходили легенды и семейство Де Ля Рош давно бы прогнало её, если бы не тёплая привязанность Эвелин к служанке. В конце концов, они были молочными сёстрами и росли вместе с младенчества.

Нет, ничего такого. Хотя отсутствие новостей о Шуте крайне удивляет, - Эвелин элегантно отпила чай. Газету она отложила в сторону, но заголовок всё равно мозолил глаза.

Ну и хорошо! Может, прекратит шум наводить, этот клоун окаянный! - Мари грозно сдвинула брови и кивнула своему высказыванию. Эвелин лишь улыбнулась. Они с Мари были ровесницами, но временами служанка говорила в точности как престарелая нянюшка Клориза.

Но мысли графской дочери быстро вернулись к прочитанной статье. Марионетки Порядка... Уж слишком это было созвучно с текстом безымянной рукописи, написанной самой Эвелин. Она считала этот труд баловством и почти забыла о нём, но заголовок заставил вспомнить о исписанных страницах, хранящихся где-то в письменном столе.

- Странное совпадение, - прошептала она себе под нос. - Странное и тревожное.

- Вы что-то сказали, мадемуазель Эви? - Мари тут же превратилась в слух, застыв рядом со столиком.

- Мари, что это за “Карнавал марионеток”? О нём сегодня пишут на первых страницах, - она выверенным движением поставила чашку с ароматным чаем на блюдце, чтобы дорогой фарфор не издал ни малейшего звона.

- Не думаю, что мне больше вашего известно, мадемуазель Эви, - Мари пожала плечами и чудом не задела тарелку. - Говорят, книжку написал кто-то из бунтовщиков. Какой-то Золотой Лебедь. Но кто таков - никто не знает. Наверное, вашему батюшке больше известно.

Как министр Просвещения известный в народе как Главный Цензор Ален Де Ля Рош и правда мог знать куда больше, но вряд ли стал бы обсуждать свои дела с дочерью. Он был из тех людей, кто старался не нести работу в дом.

- Спасибо, Мари. Можешь идти, - рассеянно кивнула Эвелин, допивая чай. Она с трудом сдерживала нервное постукивание пальцем по столешнице. Плохая привычка, но девушка не смогла избавиться от неё до конца.

Её взгляд вновь вернулся к газете. “Долой марионеток Порядка”. Конечно, это не могло быть из её рукописи. Как такое возможно? Но тревожная мысль не отпускала, скребясь в сознании как мышь в углу подвала, отвлекая, мешая думать. Если бы она могла хотя бы мельком пролистать этот “Карнавал”, то сомнения развеялись бы. Она могла бы с уверенностью сказать, что её одолела глупая мнительность и забыть об этом как о глупой шутке. Но где бы взять книгу, которую уже добавили в чёрный список Пангеи?

Эвелин замерла, осенённая мыслью. Если она имела репутацию блистательной мадемуазель Де Ля Рош, воплощавшей идеал молодой аристократки классических взглядов, то её лучшая подруга Софи была известна в светских кругах как юная особа излишне прогрессивных идей. Как и многие их ровесники она интересовалась модными философскими идеями естественного права, свободы слова и верховенства разума. Софи нередко читала тайком труды неодобряемые цензурой и законом, которыми с ней делились единомышленники. В этом и была непобедимость запрещённых книг. Их изымали из издательств, запрещали печатать, сжигали, наказывали обладателей и авторов, но книги всё равно продолжали тайком передавать из рук в руки, переписывали вручную и безнаказанно цитировали в разговорах.

Эвелин резко встала. Шаль едва не слетела с её плеч, но девушка успела её подхватить. Она вздохнула, усмиряя волнение, и уже спокойно взяла в руки серебряный колокольчик. Его весёлый звон разнёсся по балкону и комнате, а за дверью уже слышались шаги служанки.

- Мари, я отправляюсь к Софи. Подготовь всё.

Сидя в карете своего рода, Эвелин внутренне подгоняла кучера и заставляла себя глубоко дышать. С каждой минутой опасения, что зародились за завтраком и казались лишь глупой мыслью, крепили. Как иначе объяснить такое сходство фраз студентов с её собственными словами на бумаге? Но если она и есть тот самый Золотой Лебедь, то её ищут как преступницу, пособницу мятежников. И если это и правда так, то что будет с её семьёй? Какой бы пост не занимал отец, одно подозрение императора и головы рода Де Ля Рош полетят с помоста к ногам толпы. И то, что Эви почти невестка главы Тайной Канцелярии никого из них не спасёт.

Карета остановилась плавно, но для Эвелин это стало толчком, заставляющим вынырнуть из болота страхов и жутких фантазий. Она поправила перчатки и плавно вышла, опираясь на

руку слуги. Безупречно, элегантно, с лёгкой улыбкой. Страхи были надёжно заперты в тёмном углу сознания.

Городское поместье семейства Ля Флёр было невелико. Двухэтажное здание светлых оттенков с большими окнами, обрамлёнными лепниной. Широкий балкон над главным входом держали статуи прекрасных полуобнаженных мужчин, а ухоженный сад, окружавший его, украшали скульптуры богинь Древней эпохи.

— Передайте мадемуазель Софи, что её посетила Эвелин Де Ля Рош, — сказала девушка слуге, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Затем прошла вслед за дворецким в гостинную, которую давно знала как свою собственную.

- Эви! Как я рада тебя видеть! - Софи почти вбежала в комнату, заключая подругу в недолгие, но искренние объятия. Её блондинистые локоны, кокетливо выпущенные из высокой причёски, пощекотали нос Эвелин.

- И я тебя, - отозвалась девушка, тепло улыбаясь в ответ. На мгновение страхи Эвелин померкли. Софи всегда была настоящим солнцем, способным разогнать любые тревоги или стать причиной новых проблем.

- И что же привело сегодня мою дорогую подругу? - со свойственным ей кокетством спросила Софи, пока они под руки шли к её покоям. Комнаты молодой Ля Флёр были куда светлее и меньше покоев Эвелин. Они состояли из будуара, спальни, комнаты рукоделия и уютной гостиной в нежно-розовых и фиштакковых тонах. Именно в ней и расположились девушки.

В мягкости дивана можно было утонуть, как и в ворохе подушек, что немедленно позволила себе Софи. Эвелин, давно понявшая, что мебель в покоех подруги была создана исключительно для того, чтобы аристократы забывали о своих идеальных позах и осанках, позволила себе откинуться на спинку дивана, привычно обнимая подушку. Глаза почти сразу начали слиться, но Эвелин заставила себя сосредоточиться. Вот именно по этой причине в её комнате мебель была куда более жёсткой, иначе мадемуазель Де Ля Рош спала бы вечным сном в своём кресле у камина.

- Ты пришла, чтобы обсудить благотворительный вечер на следующей неделе? Или поговорить о выставке твоего подопечного художника? Или просто соскучилась? - хитро улыбаясь задавала вопросы Софи, прекрасно зная, что вряд ли подруга приехала бы к ней не предупредив хотя бы за час из-за чего-то столь незначительного.

- Соскучилась, дорогая Софи, - скопировала улыбку Ля Флёр Эвелин. Обе знали, что вряд ли она бы и правда затосковала по обществу Софи за три дня, которые они не виделись, но дочь виконта приняла правила игры, позволив себе тихо хмыкнуть.

- О, ты уже читала утренние новости? - Эвелин как бы невзначай скользнула взглядом по утренней газете, лежавшей на столике неподалеку. - Наверно, была крайне разочарована тем прискорбным фактом, что наши славные газетчики решили, что с них хватит хранить верность Шуту?

Софи лишь закатила глаза.

- Не могу понять твоих постоянных насмешек над ним, Эви. Он же как герой из романов! Борется с коррупцией, отстаивает права простых людей, да ещё и так... - девушка замолчала, потирая большой палец об указательный и беззвучно шевеля губами в попытки подобрать нужное слово.

- Театрально? - иронично изогнув бровь подсказала Эвелин.

- Верно, моя милая. Именно это слово ему идеально подходит, - чуть смеясь подтвердила молодая виконтесса.

- Театральный, таинственный, вызывающий... - перечисляла Де Ля Рош, глядя на подругу. - Но ты упускаешь одну важную вещь, Софи. Он не книжный герой. Он бунтарь, террорист и тот, кто подрывает порядок, не думая о жертвах и последствиях. Борется за справед-

ливость? Красивое прикрытие для преступлений, но оно не делает из него героя и не меняет его сути.

- А как иначе бороться за права? За справедливость? - Софи старалась не повышать голос, но блеск юношеского идеализма ярко сиял в её глазах.

- Словом и реформами? - предложила Эвелин, подавляя досадливый вздох. Если бы их император проводил бы эти реформы, если бы на них не нужно было бы столько времени... Она сама знала, как хрупок аргумент, но сегодня это был шанс выйти на интересующую её тему.

- О, ещё вчера наш разговор пошёл бы по кругу, как и всегда, дорогая. Но, кажется, нашёлся борец, который придётся тебе по вкусу, - хитро усмехаясь, заметила Софи и потянулась к газете. - Ты же уже читала о Золотом Лебеде.

Эвелин скрыла победную улыбку.

- Да, но в статье не говорится ничего конкретного, - Эвелин выпрямилась, насколько это было возможно на этом диване. В голосе скользнуло пренебрежение. С вспыльчивым характером подруги такой тон явно подстегнёт её сказать больше, не подозревая в странном интересе саму Эвелин.

- О, ещё бы они написали что-то конкретное! - ехидство в голосе подруги стало почти ядовитым. - Не знаю, кто автор, но "Карнавал марионеток" настоящее зеркало нашего общества, выставившее на показ всю несостоятельность нынешних порядков. Этот Золотой Лебедь настоящий гений!

- Неужели? - пренебрежительно приподнятая бровь и ровный голос ничем не выдали нарастающую тревогу Эвелин. Лишь пальцы мёртвой хваткой вцепились в подушку, но Софи не обратила на это внимания. - Хотела бы я почитать этот "Карнавал".

После этих слов она внутренне напряглась как тетива, готовая вот-вот порваться. Софи не была глупа и слишком хорошо знала свою подругу детства. Если она что-то заподозрит, а у Эви закончатся убедительные аргументы...

- Неожиданный интерес к крамольной книге от той, кто с таким скепсисом относится к идеям всеобщей свободы, - голос Софи был скорее обиженно-ироничным, но молодая графиня успела заметить тень подозрения в глазах девушки. Хотя было бы странно, если бы его не было, когда дочь Главного Цензора проявляет такой интерес к запрещённой литературе.

- Мне и не интересны эти идеи, Софи, - честно призналась Эвелин. - Но мне интересно заглянуть в зеркало, которым ты назвала этот "Карнавал".

Эвелин наклонилась чуть ближе, заглядывая в глаза подруги.

- И я хочу узнать те слова, что заставили людей бастовать, несмотря на жандармов, виселицы и тюрьмы.

Она не соврала ни единого слова и именно это делало её такой убедительной. Ну, а то, что за всем этим скрывался страх увидеть свои слова на страницах, знать молодой виконтессе необязательно.

- Хорошо, - глубоко вздохнув, сдалась Софи. Эвелин лишь мягко улыбнулась, скрывая своё торжество и наблюдая, как подруга встаёт, поправляя складки фисташкового платья. - Но учти. Я не позволю тебе забрать книгу с собой. Прочитаешь здесь.

Эвелин лишь кивнула. Она сама понимала, как опасно и глупо вести "Карнавал" домой, где в соседнем кабинете отец подписывал указы о его уничтожении.

Принесённая книга была маленькой и уже потрёпанной. Видимо она прошла через много рук, которые листали её страницы и впитывали идеи неизвестного Лебеда. На обложке виднелась тень летящей птицы с длинной шеей, поверх которой было название: "Карнавал марионеток". Эвелин едва не усмехнулась. Роскошное оформление по меркам подпольной типографии. Видимо труд и правда высоко оценили.

Но любой намёк на веселье быстро испарился, стоило её глазам начать бегать по неровным строчкам кое-как напечатанным на дешёвой бумаге. Чтобы проверить она последовательно пролистала начало, середину, конец, но открывшаяся правда отказывалась меняться в угоду желаниям девушки. Эвелин Де Ла Рош прекрасно помнила каждую строчку своей рукописи и даже с лёгкостью определяла, где неизвестный редактор слегка поменял слова или удачно построил фразу. Теперь она без сомнений знала, что Золотой Лебедь - это она сама.

Домой Эвелин возвращалась как в тумане и, стоило войти в особняк, она тут же поспешила в свои покои. В отличие от Софи, у неё в распоряжении было куда больше комнат: личная библиотека, кабинет, гостиная, спальня, будуар и маленькая комната для рукоделия и музыки, куда девушка заглядывала чуть чаще, чем раз в год.

Сейчас Эвелин ходила по своей гостиной, как зверь в клетке, не стараясь надеть маску привычной сдержанности, не заботясь плавностью движений. Мысли метались как дикие птицы в клетке. Как? Как рукопись могла попасть революционерам? Всё это время она хранилась у Эвелин. Она не показывала её друзьям, не упоминала на приёмах. Единственный человек, кто читал её был месье Леблан. Эвелин застыла как вкопанная.

Образ неуклюжего мужчины, которой в философском запале мог снести пару книг со стола просто случайно взмахнув рукой. Он преподавал Эвелин философию и теологию под строгим взором гувернантки. И только ему Эвелин из-за глупого сиюминутного порыва давала читать свою глупую писанину. Но если “Карнавал” напечатали в подпольной типографии, значит неуклюжий профессор был связан с бунтовщиками... Мысль казалась невозможной, но других объяснений у Эвелин не было. В любом случае Леблан единственный, мог дать ей ответы на все вопросы.

Она посмотрела на вечернее небо за окном, окрашенное бордовыми цветами заката. Идти сейчас к наставнику казалось странным, но девушка слишком хорошо знала отца своего жениха, которого с детства звала дядюшка Валериан. Однако всей империи он был больше известен как месье Морлок - глава Тайной Канцелярии и цепной пёс короны. И, зная, как дядюшка радеет за своё дело, Эвелин не сомневалась, совсем скоро с ним суждено познакомиться и месье Леблану.

В очередной раз за вечер глубоко вздохнув, Эвелин позвонила в колокольчик. Сидевшая у дверей покоев Мари тут же появилась на пороге гостиной и споткнулась о край пушистого ковра. От падения её спасли руки госпожи, которая рефлекторно придержала служанку и уже отдавая распоряжения.

- Мари, одолжи одно из твоих платьев и обувь. О, и поищи мой парик.

Глава 2. Прогулка по крышам

По вечерним улицам Пертрена стелился туман. Он ложился лёгкой молочной пеленой, которую тревожили лишь торопливые шаги прохожих. Кое-где уже зажглись фонари, разгоняя длинные тени, но многие переулки так и оставались во мраке.

Эвелин торопливо шла к шпилям университета, что виднелись из любой точки города. Остроконечные башни, увенчанные горгульями и химерами, казались стражами. Те же каменные твари сидели на карнизах и подоконниках уже четыре века оберегая обитель знаний.

Девушка споткнулась, но даже не замедлила шаг, лишь выпрямилась и пошла дальше. Её раздражение выдавали лишь плотно сжатые губы и мрачный взгляд. Эвелин Де Ля Рош не привыкла чувствовать себя неуклюжей курицей. Туфли Мари болтались на ногах, платье горничной сидело мешком, а грубая ткань неприятно натирала аристократическую кожу, привыкшую к шелку и батисту. Впрочем, наряд был сшит добротно. Такие носили не нищие, а разве что дочери буржуа средней руки. В конце концов, Мари ведь была личной служанкой графской дочери и её жалование было весьма щедрым. Однако у этого наряда не доставало привычных для Эвелин нижних юбок, а вместо богатой вышивки красовалось лишь скромное кружево по подолу и рукавам.

Она в очередной раз обернулась, проверяя не увязался ли за ней какой-то пьяница или кто похуже. Только выйдя на улицу в закатных лучах солнца девушка вдруг осознала: она одна. Совсем одна, пожалуй, впервые. Мать нынешнего императора в своё время ослабила множество запретов для знатных девушек. Например, им разрешили посещать балы, салоны и даже кататься в экипаже без старшей дамы или гувернантки. Но пешие прогулки по городу всё ещё были исключительно с сопровождением. Даже в те дни, когда Эвелин с Софи и Мари тайком сбегали из дому, они не разлучались и вместе исследовали ярмарочную площадь. А сегодня, когда судьба её семьи висела на волоске, она впервые ступала по мостовой одна.

Девушка достигла дверей университета, спешно пересекая площадь. Почти все окна смотрели на улицу провалами тьмы. Лишь в нескольких горел свет. И одно из них принадлежало кабинету наставника. Эвелин даже не удивилась. Леблан почти жил среди своих книг и засыпал над переводами философских трактатов.

Формально женщинам было запрещено учиться в стенах университета, но профессора свободных взглядов спокойно разрешали им посещать свои лекции. Да и студенты нередко приводили подруг, чтобы показать величественное здание изнутри. Именно поэтому никто не удивлялся девушке в коридоре храма науки. А узнать в неё дочь министра не позволял парик, надёжно скрывавший приметные золотые локоны.

Эвелин решительно вошла в просторную аудиторию и не останавливаясь прошла к неприметной двери в самом конце. Небольшой закуток за ней, почти полностью заваленный книгами, Леблан гордо именовал кабинетом и своим храмом.

Наставник обнаружился за своим столом. Его седеющие тёмные волосы были встрепаны больше обычного. Он нервно поправлял вечно съезжающие с переносицы большие очки, пока пальцы другой руки отстукивали неравномерный ритм. Эвелин постучала, привлекая внимание, и мужчина вздрогнул, точно испуганная птица, прежде чем поднять на неё глаза.

- Я же уже сказал, что... - раздражённо начал мужчина. В его голос закрались истеричные нотки. Но стоило ему увидеть невысокую фигуру в плаще, как он замолк. Леблан настожённо всматривался в незваного гостя. Казалось, он готов бежать в любой момент. Даже если единственный возможный путь отхода — узкое окно за его спиной, охраняемое снаружи двумя каменными горгульями.

- Учитель, - тихо поприветствовала Эвелин, откидывая капюшон с головы. Ещё мгновение Леблан всматривался в её лицо, обрамлённое тёмными волосами парика. Эвелин усмех-

нулась про себя. Всего-то скрыла свои золотые локоны, и её уже с трудом узнаёт наставник по философии.

- Мадемуазель Эвелин, - выдохнул он, но тут же снова напрягся.

- Думаю, вы понимаете причину, по которой я нанесла вам столь поздний визит, - холодно заметила девушка. Леблан в очередной раз поправил очки.

- Вам не о чем беспокоиться, мадемуазель. Никто же не знает, что вы автор, так что вы зря переживаете, - наставник встал, приближаясь к ученице с нервной улыбкой, но осёкся, увидев её взгляд.

- Не о чем беспокоиться? - обычно вежливая улыбка превратилась в опасную. В синих глазах закипела волна негодования, словно шторм бушевал в бескрайних глубинах океана. - Месье Леблан, вы не слышали об одной занимательной книге? Некий «Карнавал марионеток», который цитируют революционеры и бунтовщики. А его автор стал так популярен, что с ним хочет лично познакомиться мой отец и пригласить на приватную беседу в Тайную канцелярию дядюшка Валериан. Представляете?

Эвелин подходила медленно, не спеша, но мужчина отступал, вытирая выступивший на висках пот рукавом старого сюртука.

- Мадемуазель Эвелин, но кроме вас и меня никто не знает личность Золотого Лебедя! Я никому не говорил. Клянусь! - Леблан повысил голос. Видимо, стараясь взять инициативу в диалоге, но паника, сквозящая в интонациях, не давала его словам убедительности.

- Месье Леблан, а как вы печатали книгу? Как распространяли? - голос стал вкрадчивым, и мужчина сглотнул. Сталь в глазах молодой девушки и её железная правота пугали, не оставляя путей к отступлению. - Думаете, что в Тайной канцелярии работают недалёкие олухи, которые ни за что не выйдут на вас в ближайшее время?

Мужчина выпрямился, его взгляд загорелся фанатической верой.

- Я ни за что не сдам вас, мадемуазель Эвелин, - неожиданно он вцепился в её плечи, заглядывая в глаза. - Вы — будущее революции. Ваш труд — крик правды, который должен был быть услышан!

Девушка оцепенела, глядя на своего наставника по-новому. Обычно тихий, немного суетливый мужчина, который с детской искренностью рассказывал о мудрецах прошлого, вдруг обернулся фанатичным безумцем, и что хуже — революционером.

- Вы... вы с ума сошли? - это всё, что могла сказать ошеломленная аристократка. Теперь уже она призывала всё своё самообладание, чтобы не выдать паники. - Вы всё это время были с ними? Бунтовщиками?

- Бунтовщики... - он отступил, начиная метаться по маленькому пространству, едва не снося ученицу с ног. - Они — архитекторы нового мира. Мира справедливости, равных прав и доступа к знаниям!

Эвелин слушала и медленно, шаг за шагом отступала к выходу. Она не узнавала человека перед собой. Это был не её скромный неуклюжий преподаватель. Это был одержимый своими идеями преступник.

Леблан неожиданно посмотрел на неё всё тем же сияющим взглядом. Она застыла.

- Ты — одна из самых умных и рассудительных моих учеников. И я давно думал, как показать тебе, что твой ум может помочь в становлении нового мира! - Леблан приближался к ней, не отводя взгляда. Как будто она была звездой, которую никак не удавалось получить в руки, но которая внезапно попала в его сети. - Но твои мысли... твоя книга... ты такой же революционер, как...

Он не закончил. Внезапно его брови сошлись на переносице, и он резко повернул голову к двери, прислушиваясь. Стук, тяжёлый и настойчивый, загрохотал по дереву, а следом ворвался чужой, стальной голос:

- Законом Его Императорского Величества откройте!

Жандармы. Одна короткая мысль парализовала Эвелин. Она застыла как статуя, пока её разум метался в поисках выхода. Спрятаться? Выйти? Что говорить? Как объяснить её присутствие в подобном виде и в столь поздний час?

Но Леблан уже действовал. Схватив ученицу с неожиданной для книжного червя силой, мужчина буквально приподнял ученицу над полом и поменялся с ней местами. Теперь Эвелин стояла ближе к его столу, а сам наставник уже открывал дверь кабинета.

- Выбирайтесь через окно, - коротко бросил он, выходя. Леблан едва успел запереть Эвелин внутри, как жандармы с силой распахнули дверь аудитории, стукнув ей о стену.

Наследница Де Ля Рош застыла, глядя на узкое стрельчатое окно и вслушиваясь в голоса за дверью.

Эвелин могла бы остаться и встретить жандармов. Сказать, что срочно хотела обсудить с наставником светскую теорию существования человеческой души. Это спишут на причуды молодой аристократки или, что вероятнее если учесть её внешний вид, припишут роман с профессором. Скандально и губительно для репутации. В иное время девушка не допустила бы и мысли о том, чтобы как-то себя скомпрометировать. Но раньше её и не искала Тайная канцелярия.

Вот только дядюшка Валериан слишком хорошо знал Эви, чтобы купиться на подобную ложь. Это породит подозрения. Подозрения станут поводом для расследования. И так род Де Ля Рош окажется на плахе из-за её глупой писанины.

Мысли пронеслись в голове всего за мгновение и Эвелин решилась. В ушах всё ещё звучал голос Леблана, который с отчаянной словоохотливостью отвлекал жандарма, а она уже шагнула к подоконнику, утопающему в свитках и книгах. При мысли, что придётся ступить на них своими ботинками, девушка поморщилась, но выбора не оставалось.

Она встала во весь рост, насколько могла тихо открыла деревянные створки. Осенний ветер тут же ударил в лицо, развевая чёрные кудри парика. От высоты у Эвелин перехватило дыхание. Один неверный шаг и её изломанное тело украсит мостовую. Она не заметила, как инстинктивно отступила на полшага, снося стопку книг. Казалось на мгновение мир замер, а потом...

- В кабинете кто-то есть! Обыскать! - рявкнули за дверью, и та затрещала под мощными ударами. Время на раздумья истекло. Эвелин протиснулась в узкое окно и тут же вцепилась в крыло гаргульи. Держась, она сделала пару шагов по карнизу и забралась на спину каменного монстра, обнимая его за шею мёртвой хваткой. Эвелин не замечала как дрожат руки, но впервые в жизни слышала стук своего сердца в ушах. Отчаянный, громкий, быстрый... Боялась ли она также сильно хоть когда-нибудь?

- Нужно идти, - попыталась она уговорить себя, но не услышала своего шёпота. Узкий карниз был едва различим в темноте. Один неверный шаг и всё кончено. Треск выламываемой двери подействовал лучше любой пощёчины. Она соскользнула с каменной спины горгульи, укрываясь за ней от света, что мог пролиться из окна. Дрожащими ногами в обуви не по размеру Эвелин двинулась вперёд, нащупывая путь в темноте. Казалось, слишком медленно.

Ей предстояло спуститься по крыше к водостоку. Ещё недавно Эвелин восхищалась архитектурой университета. Сейчас же проклинала тех, кто изобрёл остроконечные крыши. За спиной раздался оглушительный треск. Дверь в закуток наставника пала.

- Он сбежал через окно, - донёсся голос от окна, и Эвелин, затаив дыхание, отвернула лицо к тёмной черепице. Чёрный плащ делал её невидимкой, парик прятал предательское золото, а горгулья, заслоняющая окно, была лучшим союзником. Она зажала рот одной рукой, пряча сбившееся дыхание. Оно было слишком громким.

- Никого, - послышался разочарованный голос и Эвелин едва слышно выдохнула. Сильный порыв ветра растрепал подол плаща. От неожиданности, она слегка отступила. Край карниза осыпался под подошвой. Мелкие камешки весело покатались по черепице. Голова жан-

дарма резко повернулась на шум. Но девушка этого уже не видела. Её тело катилось вниз. Юбки взметнулись, замедляя скольжение по черепице, и в последнее мгновение Эвелин успела вцепиться в водосточную трубу, повиснув над бездной.

Она не успела осознать, что едва избежала смерти, когда над головой раздался оглушительный звук. На мгновение Эвелин наивно подумала, что это гром. Но ошиблась. Это был выстрел. Пуля раскрошила черепицу там, где ещё недавно стояли её ноги.

- Фонари сюда! Обыскать нижний этаж! Где чёртов выход на крышу? - уверенные команды заглушали безуспешные попытки Леблана вмешаться. Эвелин не слышала. Она уже скользила вниз по водосточной трубе, мысленно благодаря перчатки на руках. Даже подол юбки несильно мешал. На миг ей показалось, что всё обойдётся. Но труба жалобно скрипнула, накрепчилась, и Эвелин почувствовала, как та отходит от стены, увлекая её за собой вниз. Девушка закрыла глаза. Всё же сегодня ей суждено украсить своим телом мостовую.

Чьи-то руки крепко обвили талию Эвелин, отрывая от падающей конструкции. Под ногами оказалась наклонная поверхность крыши, а внизу разнёсся шум упавшей трубы.

- Жандармы решили разнообразить свой репертуар и поохотиться на испуганных мадемузелей? - раздался насмешливый голос над ухом. Эвелин распахнула глаза. В опасной близости от её лица сияла белизной улыбающаяся маска. До боли знакомая маска, которую она видела каждое утро в газетах.

Легендарный Шут стоял почти вплотную и продолжал придерживать её за талию. Губы Эвелин сложились в вежливую улыбку, порождённую привычкой и стрессом. Когда не знаешь, как себя вести, начинаешь действовать, как привык. Привычкой для дочери семейства Де Ла Рош были безупречные манеры и аристократическая выдержка.

- Благодарю за спасение, месье Шут. Ваше появление оказалось своевременным, - мелодично ответила Эвелин, аккуратно высвобождаясь из мужских рук. Её волнение могли выдать только слишком широкая улыбка и сжатые губы. Даже дрожь в голосе удалось скрыть.

Ответить Шут не успел. Нога Эвелин вновь предательски заскользила по крыше. Слишком просторная обувь затрудняла поиск равновесия. Окно над ними распахнулось и наружу высунулся вооружённый жандарм.

- Здесь Шут! - рявкнул он, наводя дуло на беглецов.

- Держитесь, - бросил преступник, хватая девушку чуть выше локтя и быстро волоча за собой. Выстрел ударил им вслед и пуля чиркнула по черепице у самых ботинок Эвелин. Она бежала из последних сил, но то и дело поскальзывалась на скользкой черепице. Только стальная хватка Шута, крепко державшая её за локоть, не давала ей сорваться в тёмную пропасть.

Они подбежали к обрыву крыши, и лишь в последний миг Эвелин вспомнила: дальше должна начинаться двухэтажная пристройка для профессоров и студентов. Её построили какое-то десятилетие назад и неброское двухэтажное здание совершенно не подходило по архитектуре изысканной мрачности университета. Раньше у Эвелин это вызывало раздражение. Пристройка ей казалась кощунством и безвкусицей, портящей вид. Сейчас Эвелин была почти что рада. У здания профессоров была более плоская крыша без острых шпилей и крутых скагов.

Шут отпустил свою невольную спутницу и по-кошачьи ловко спрыгнул на крышу пристройки.

- Прыгайте! Я поймаю, - крикнул он, широко разведя руки в стороны. Но Эвелин застыла. Ей казалось, что прыжок слишком опасен, а доверия к этому Шуту у неё было ровно столько же, сколько надежды на то, что жандармы, схватив её, просто вежливо отпустят домой.

Один из преследователей тоже выбрался на кровлю. Эвелин услышала, как черепица хрустит под его сапогами. Крики приближались. Она судорожно вздохнула, прикрыла глаза и шагнула в пустоту.

Шут и правда поймал её. Упал под её весом спиной на крышу и пару раз перекатился, прижимая Эвелин к себе и уворачиваясь от выстрелов. Затем поспешно вскочил, рывком заставляя её встать и они побежали.

Остальное сохранилось в памяти разрозненными осколками: красноватый отсвет фонарей, скользкая черепица под ногами, резкие рывки, когда Шут перетаскивал её через провалы между крышами, подъёмы, спуски и бесконечное, сбивчивое дыхание в ушах. Большую часть времени Шут попросту волок её за собой, иногда придерживая за талию или локоть. Когда они наконец остановились в незнакомом переулке, она прислонилась к стене судорожно глотая ртом воздух. Постепенно её нагоняло осознание событий этой ночи. Её преследовали, в неё стреляли как в преступницу, а сбежать ей помог самый разыскиваемый человек Пангеи. Это было слишком. Слишком для одной ночи. Слишком для всей её жизни.

- И так, мадемуазель Крыша, у нас с вами есть несколько минут прежде чем я вновь продолжу игру в салочки с нашими доблестными служителями закона, - мужчина говорил всё в той же театрально-ехидной манере, а его дыхание было лишь слегка более учащенным. Эвелин усмехнулась про себя. Разумеется, для легендарного Шута подобные погони и стрельба были обычной рутинной. - Так что будьте так любезны рассказать своему благородному спасителю, что сиятельная мадемуазель забыла в столь поздний час у месье Мыслителя?

Эвелин выпрямилась, возвращая себе безупречную осанку. Колени под подрванными юбками тряслись от напряжения, бок жгло болью от долгого бега, а дыхание всё ещё было судорожным. Но она взяла себя в руки и на её лице вновь расцвела лёгкая улыбка.

- С чего вы взяли, что я отношусь к знати, месье Вор? Мне кажется, мой внешний вид прямо кричит об обратном, - девушка с трудом удержалась от того, чтобы не попытаться разгладить складки платья. Столь отработанный годами жест казался сейчас неуместным.

- О! Вы абсолютно правы. На ваше происхождение ничего не намекает, - Шут ехидно кивнул, как бы подтверждая это, но тут же продолжил всё тем же насмешливым тоном. - Ничего. Кроме вашей осанки, манер и перчаток.

Эвелин позволила себе удивлённо приподнять брови и мельком посмотрела на руки. Пальцы Мари были толще и короче, поэтому девушка не смогла надеть её перчатки. Вместо них они нашли какую-то старую и очень потрёпанную пару.

- Несмотря на то, что они старые, видно и качество кроя, и дороговизна ткани. Я уже молчу про вышивку, сиятельная мадемуазель, - снисходительно пояснил Шут. - В следующий раз, если не найдёте подходящих, просто не надевайте их.

Глаза Де ля Рош округлились от шока. Мысль выйти куда-то без перчаток даже не посещала её голову. Они были столь же необходимы для аристократки, как и ношение чулков. Выйти куда-то без них... могли обычные девушки или представительницы буржуазии. Эвелин едва не поморщилась от досады на саму себя.

- Так что вы делали в кабинете Леблана в столь поздний час? - напомнил свой вопрос мужчина. Эвелин чувствовала, как он не спускает с неё своих глаз. Поэтому она сделала всё, чтобы ничем не выдать своё волнение. Перед ней был революционер, преступник, вор. Известно, что он мог сделать с ней, если почует ложь.

- У меня возникли вопросы по труду Гееля и его теории идеи как первоосновы мироздания, - обезоруживающе улыбаясь сообщила Эвелин. Шут громко фыркнул.

- Знаете, если бы вы сказали, что у вас был тайный роман, это прозвучало хоть немного правдоподобнее, - с иронией заметил он, скрещивая руки на груди. Эвелин удержалась от того, чтобы прикрыть глаза и раздражённо выдохнуть.

На самом деле, если правильно обыграть подобную версию, то Шут и правда может поверить. Он не жандарм и не высшее общество, поэтому вряд ли от этого её репутация пострадает. И, ко всему прочему, он не знает, кто она.

- Да как вы можете такое говорить! Это же...неприлично, - праведный гнев и смущение зазвучали в её возгласе. Она отвела глаза. Румянец и так был на её щеках из-за недавнего бега, поэтому Эвелин не пришлось ломать голову над тем, как его вызвать. Финальным штрихом была закусенная губа.

- Неужели правда? У столь юной особы был роман с тем растяпой? - в голосе Шута было неподдельное изумление. Эвелин едва сдержала победную усмешку. В высшем обществе любая достойная девушка умела неплохо играть, дабы подогревать интерес кавалеров к своей персоне. Эвелин же владела этим искусством в совершенстве.

Шут тем временем слегка приблизился, рассматривая лицо девушки в полумраке проулка. Он слегка склонил голову набок, как любопытный кот.

- Мадемуазель, а я точно нигде вас раньше не видел? - внезапно спросил он. Его тон утратил театральность, став крайне задумчивым.

Эвелин почувствовала как только начавшее успокаиваться сердце вновь забилося как у загнанного кролика. Мог ли он её узнать? И что в таком случае делать?

- Ищите! Они где-то здесь. Наш приоритет - Шут. Взять живым или мёртвым.

Замелькавшие в конце улицы фонари и следовавшие за ними крики стали её спасением.

- Что ж, видимо на этом нам придётся прервать наше захватывающее свидание, - с театральным сожалением вздохнул Шут, отстраняясь и направляясь прочь из проулка. - Удачно вернуться домой, мадемуазель Крыша. Буду с нетерпением ждать нашей новой встречи.

Шут ушёл и спустя несколько мгновений Эвелин услышала звуки погони, уходящей прочь от того места, где она стояла. Только после этого девушка позволила себе сползти по стене. Сердце продолжало колотиться. Её учитель арестован, она сбегала от жандармов на пару с Шутом, который был близок к раскрытию её личности. А ещё этой ночью она окончательно убедилась в том, что она и есть Золотой Лебедь. А значит тоже преступница.

Глава 3. Золото за чёрными кудрями

Квартира больше напоминала по размерам большую конуру или кладовку. В узкое пространство без окон едва помещалась кровать, тумбочка с газетами разной давности и маленький умывальник. Но Шут не обращал внимание на тесноту, сосредоточено думая о событиях ночи и стараясь не шипеть, пока Леон обрабатывал царапину на руке. Одна пуля всё-таки слегка задела его, пока они с незнакомкой перекатывались по крыше здания преподавателей.

Та девушка... Платье и обувь явно не её, аристократическая речь и манера держаться. Была в кабинете Леблана, когда его пришли арестовывать и бежала от жандармов. Просто испугалась за репутацию? Или жандармов? Или ей есть, что скрывать? Почему-то в версию с тем, что эта особа была любовницей учёного увальня не верилось. Но и полностью отказываться от этой теории Шут не стал. Кто его знает? Может Леблан очаровал её своими нудными лекциями по философии и вечно сползающими очками?

- Всё думаешь о своём провале? - уточнил Леон уже обматывая царапину бинтами. Возможно, он хотел, чтобы его голос прозвучал бесстрастно, но в итоге ему не удалось скрыть нотки профессионального любопытства. Несмотря на то, что Леон был студентом-медиком, куда большую пользу революционерам он приносил, собирая информацию. У Леона был просто удивительный талант очаровывать собеседника так, что тот по секрету выдавал все сплетни, слухи и достоверные сведения.

- Провале? - немного рассеянно переспросил Шут, продевая руку в рукав рубашки и по привычке поправляя маску. Её он не снимал даже при Леоне, который был его верным помощником. Лишь менял на ту, что не скрывала нижнюю часть лица.

- Ну, ты же хотел спасти Леблана от жандармов. Теперь он у них. А значит скоро схватят и Лебеда, - пожал плечами Леон, складывая бинты и лекарства в свою сумку. - И прощай наш анонимный союзник с острым пером.

- Возможно, Леблан успел сказать имя Лебеда Тени. Тогда у нас ещё есть шанс, - Шут сам не верил в свои слова. Леблан упёрто отказывался говорить имя автора, даже когда Тень пригрозил, что учёный больше не будет частью революционного движения. Для такого идеалиста, это было хуже смертной казни, но Леблан всё равно промолчал.

- Интересно, кто этот Лебедь раз профессор так боялся назвать имя? Будь это какой-нибудь опальный учёный или беглый буржуа, Леблан бы этого не скрывал, - задумчиво протянул Леон. Над этим вопросом ломало голову всё подполье. Шут слышал теории, что это какой-то аристократ, чей род уничтожила империя и теперь он пишет правду, скрываясь под псевдонимом, олицетворяющим его забытый герб. Другие шептались, что это слуга во дворце. Кто-то даже храбро заявлял, что Золотой Лебедь - это жандарм, скрывающий свои взгляды. День ото дня теории становились всё безумнее и Шут даже начал коллекционировать самые невероятные.

- Понятия не имею, кто настолько гениален, чтобы так едко высмеять всю Пангею, - протянул Шут с ехидной улыбкой. Его рука неосознанно дотронулась до груди. Там во внутреннем кармане он носил свой экземпляр "Карнавала", уже зачитанный до дыр с заботливо подчёркнутыми полюбившимися цитатами. - Но возможно ответ знает мадемуазель Крыша.

- Кто, прости? - брови Леона взметнулись вверх и скрылись за отросшей каштановой чёлкой. - Ты случаем головой нигде не приложился?

- О, сомневаюсь, что та сиятельная особа была моей галлюцинацией, - усмехнулся Шут, но решил рассказать о встрече с незнакомкой до того, как Леон ринется осматривать его голову.

- Абсурдный бред, - заключил Леон, выслушав рассказ о высокородной брюнетке в платье служанки. - Чтoб одна из этих изнеженных особ полезла на крышу? Шут, поверь, я общаюсь с

ними чаще тебя. Любая аристократка скорее ударилась бы в слёзы или закатила истерику. Ну, или гордо бы пошла с жандармами, чтобы высказать всё своё недовольство лично Морлоку.

Шут его уже не слушал. Он пытался найти зацепки в своей памяти. Может у неё было какое-то украшение, которое подсказало бы её фамилию? Или он её где-то видел? Её лицо всё ещё казалось ему смутно знакомым. Он рассеянно взял одну из газет и принялся листать, продолжая игнорировать монолог Леона. Это оказалась светская хроника за прошлую неделю.

“На выставке, прошедшей в императорском саду самой запоминающейся была картина Клода Дега. Покровительницей, что смогла найти такой непревзойденный талант является небезызвестная своей красотой и вкусом Эвелин Де Ля Рош...”

Шут закатил глаза, пролистывая ещё пару газет. Де Ля Рош, Де Ля Рош, опять Де Ля Рош. Он отбросил газету на кровать. На странице красовался чёрно-белый портрет юной аристократки. Заголовок под ним начинался со слов “Одна из пяти красивейших женщин Пангеи...” Дальше он не стал читать.

Об Эвелин Де Ля Рош Шут слышал постоянно. И не только на светских балах и встречах, куда иногда приходилось тайком пробираться. Даже среди его людей это имя звучало до зубного скрежета часто. Особенно о ней любили говорить студенты. Покровительница науки. Муза художников. Воплощение милосердия. Некоторые даже пытались писать сонеты в её честь.

- Что, ничего интересного не пишут? - уточнил Леон, ничуть не обидевшись, что его явно не слушали. Он подобрал газету с любопытством разглядывая страницу. - О, Эвелин Де Ля Рош.

- Если мне попадётся хоть одна газета, где не будет этой фамилии, клянусь, я повешу её в рамочку в своей комнате, - раздражённо фыркнул Шут, мыслями возвращаясь к загадочной брелке.

- А мне казалось, ты у себя на стене вешаешь только газеты с собой на первой странице, - съехидничал в ответ Леон. - Да и чего ты раздражаешься. Я вот не прочь видеть в газетах такую красавицу почаще.

Леон специально выставил руку со страницей так, чтобы портрет оказался ровно на уровне глаз Шута. Тот невольно вновь окинул её взглядом и... Замер. Шут стремительно выхватил газету жадно вглядываясь в черты лица. Конечно, они не так хорошо передавали внешность оригинала, но он не мог ошибиться. Сейчас, когда нельзя было отвлекаться на знаменитые золотые локоны или синие глаза, когда волосы на портрете казались чёрными из-за типографской печати он просто не мог её не узнать. Губы Шута растянулись в улыбке, а потом он и вовсе рассмеялся.

- Знаешь, ты начинаешь меня пугать, - как-то задумчиво произнёс Леон. Казалось в голове он уже подыскивал подходящий диагноз.

- Дружище, знаешь, кто оказывается упал сегодня в мои объятия и с кем у меня был ночной променад по крышам? - его голос всё ещё дрожал от смеха.

- И с кем? - вмиг забыв о диагнозах Леон даже слегка наклонился вперёд, ожидая ответа.

- С идеальной Эвелин Де Ля Рош, чей портрет смотрит на нас с этой бумажки! - с театральной торжественностью провозгласил Шут и тут же вновь рассмеялся. - Я сбегал от людей Морлока с его будущей невесткой.

- Она?! Ты уверен? - Леон застыл в полном шоке, забыв закрыть рот. Всё, что он знал о Эвелин Де Ля Рош никак не вязалось с тем, что ему сейчас сказали. Эта спокойная аристократка с вежливой улыбкой и идеально уложенными золотыми волосами никак не могла бегать по крышам в парике и чужом платье.

Когда Шут наконец отсмеялся на его губах всё ещё оставалась ехидная усмешка, но в голос вернулась серьёзность командира.

- Найди про неё всё, что только сможешь. Любые, даже незначительные, детские истории, сплетни, слухи и прочее. С кем она общается? С кем тайно встречается? Даже что ест на завтрак. Мне нужно знать всё.

Леон отмер и серьёзно кивнул, тут же покидая тесную комнатку. Оставшись в одиночестве Шут продолжал смотреть на портрет. В его глазах за прорезями маски всё больше разгорался охотничий азарт.

- А ты оказывается непревзойденная актриса, мадемуазель Крыша. И какой же секрет скрывается за твоей маской?

Глава 4. Салонные сплетни и явление маски

В ту ночь Эвелин с трудом помнила, как вернулась домой. Мысленно она всё ещё была на крышах Пертрена и уворачивалась от пуль жандармов. Как будто разум находился в плену нескончаемого кошмара, а рассвет всё не спешил его развеивать. На трясущихся ногах она прокралась в родовое гнездо, где тут же попала в заботливые руки Мари. Служанка не спала всю ночь и почти плакала, глядя на порванное платье и испорченные перчатки госпожи.

- Какая же я глупая! Отпустила вас одну! Как я могла? Нужно было последовать за вами, - бормотала и вздыхала Мари, пока помогала Эвелин раздеться, а увидев синяки и царапины, скрывавшиеся под одеждой и вовсе почти заплакала.

- Не беспокойся, Мари. Я выделю тебе средства на новое платье, - Эвелин старалась говорить мягко, но с трудом ворочала языком. Будто разум сопротивлялся самой мысли открывать рот, и девушка делала над собой усилия, выдавливая слова. Речь выходила неестественно ровной и тихой.

- Да не в тряпках дело, мадемуазель Эви! На вас живого места нет! Сейчас подготовлю вам ванну с целебными травками, а потом синяками вашими займёмся, - она запеленала госпожу в халат и отправилась набирать воду, попутно снося столик у камина. Эвелин сидела и просто смотрела в потолок. Медленно она потянулась к своей голове и сняла чёрный парик, из-за которого её не сразу признал Леблан. Наставник... Через сколько он назовёт жандармам имя Лебеда? День? Три? Когда дядюшка Валериан придёт в их дом не как желанный гость, а как глава Тайной канцелярии? А если её личность станет известна не только Морлоку? Перед мысленным взором предстала белая маска с нарисованной улыбкой. Возможно, Шут был там не просто так. И если Леблан работал вместе с ним, был на стороне революционеров... Тогда они могут знать, кто автор "Карнавала". Она покачала головой. Нет. Это было просто невозможно. Всё, что происходило, было просто невозможно. Ошибкой. Как Эвелин Де Ля Рош, одна из пяти цветков империи, эталон молодой аристократки двора могла стать преступницей в розыске? И всё из-за шалости. Глупой писанины, чтобы убить время.

Эвелин решительно встала и тут же слегка пошатнулась. Удержавшись за спинку кресла, она упрямо направилась в соседнюю комнату, где в глубинах тумбочки пряталась проклятая рукопись. Найдя исписанные листы, она вернулась к камину. Сжечь корень всех бед. Улику, подтверждающую её вину. Девушка уже занесла руку над огнём, когда свет пламени осветил строчки. "Месье Порядок держал своих самых верных марионеток в прекрасном золотом дворце. Но это была пещера без выхода." Рука застыла в воздухе. Она помнила, как писала эти строчки. Помнила, как ради этой фразы залезала в философский труд, ища притчу о пещере и огне, чтобы убедиться в уместности отсылки. И это был не единственный раз. Ради написания она пыталась вопросами Мари, выглядывала из окон кареты и подглядывала за горожанами, куда усерднее слушала разговоры мужчин о политике, а вечерами зарывалась в книги по истории империи, читала биографии правителей. Никогда в жизни до этого она не была столь увлечена чем-то. Никогда не писала с горящими глазами, изливая эмоции на страницы. Никогда не тратила на что-то не только свои силы, но и... Душу.

Эвелин опустила руку и упала обратно в кресло. Пальцы заскользили по чернильным буквам на страницах. Тогда ещё безымянная рукопись была совсем небольшой. Всего в ней было пять глав и пролог. Это был рассказ о кукольнике, который называл себя месье Порядок. Когда-то он создал себе живых марионеток и дал всем свои роли. Но время шло. И сам Порядок, и его творения начали забывать, для чего были созданы, погружаясь всё больше в пороки и грязь. И вот однажды появился новый, молодой кукольник - месье Свобода. Он победил месье Порядок, а марионетки ликовали. Старые нити, что уже покрылись плесенью, наконец лопнули. Но на этом история не закончилась. месье Свобода назвался месье Новый Порядок.

Новые нити были куда лучше старых, и все были счастливы... Но со временем молодой мастер начал забывать всё, как и его куклы.

Думая над этим сейчас, Эвелин могла понять, почему текст так приглянулся подпольной печати. Кроме откровенного призыва к свержению старого порядка, в “Карнавале” легко угадывалась жизнь разных сословий и пороки современного общества. Вот только сама Эвелин никогда не писала это с мыслями о революции. Она написала это, чтобы показать цикличность. Что как ни старайся, а всё будет тем же. Но люди прочитали иначе.

Девушка в последний раз посмотрела на рукопись, затем перевела взгляд на камин и прикрыла глаза.

- Не могу, - беззвучно прошептала она в пустоту покоев. Встав, Эвелин подошла к стене. Этому дому было двести лет, и строился он в те времена, когда в моде были секретные комнаты и ходы. Нашупав нужный камень, она заставила панель на стене отъехать. Здесь лежали письма брата и Софи, пара забавных записок Луи, любимые в детстве книги и особо дорогие сердцу подарки матери и отца. Не то чтобы девушка не доверяла кому-то в доме, но привычка прятать в тайник всё дорогое пошла из детства. Тогда маленькая Эви пользовалась этой панелью просто потому что герои любимых романов так делали. Единственной проблемой было то, что механизм со временем стал работать хуже и Эвелин пришлось приложить усилия, чтобы панель плотно закрылась. Только после этого она позволила себе вновь упасть в кресло и впервые за этот день почувствовать что-то похожее на облегчение.

После той ночи жизнь, казалось, вернулась в прежнее русло. Она как обычно вставала в восемь утра, встречалась с управляющим, совершала променады, посещала мероприятия. Её график был как всегда плотным и неизменным. Эвелин почти смогла убедить себя, что всё было сном, что она не Золотая Лебедь. Правда, стоило кому-то лишь упомянуть эту птицу, она едва сдерживалась, чтобы не вздрогнуть. Так же, как и с усилием сохраняла вежливую улыбку, когда кто-то заговаривал о “Карнавале” или Шуте.

С той ночи она ничего не слышала о Леблане, а спрашивать о нём у своего жениха или напрямую у дядюшки Валериана, Эвелин боялась. Вдруг это будет выглядеть подозрительно? Поэтому судьба наставника, пусть и предавшего её, беспрестанно царапала сердце. Как и газеты. Шут вернулся на первые полосы, но Золотого Лебедя газетчики полюбили не меньше. Они писали свои теории о личности автора, публиковали сведения о тех, у кого при задержании нашли экземпляр запрещённой книги, а цитат из книги на страницах газет встречалось столько, что можно было уже не читать сам “Карнавал”. Эвелин даже хотела перестать следить за новостями, но неведение оказалось страшнее, поэтому каждое утро, скрепя сердцем, она открывала новостной журнал.

Эвелин стояла перед трюмо и позволяла служанкам завершить её причёску. Золотые локоны бережно укладывали и украшали жемчужными шпильками. Белоснежные камни в волосах смотрелись элегантно, но не вычурно. Почти скромно, если не знать их цену. Одна из девушек уже почти закончила застёгивать нежно-сиреневое платье на спине госпожи и принялась расправлять складки. Лет десять назад, когда Эвелин ещё была маленькой, в высшем свете было принято носить тугие корсеты, которые приходилось долго затягивать, но, к счастью, мода сменилась и теперь женщины предпочитали куда более удобные корсажи.

- Всё готово, мадемуазель Де Ля Рош, - с поклоном сообщили служанки, отходя. Эвелин кивнула им, и те ушли. Девушка бесстрастно посмотрела на себя в зеркало, убедилась в безупречности своего вида и взяла перчатки.

“В следующий раз, если не найдёте подходящих, просто не надевайте их” - слова Шута, сказанные в ту ночь, промелькнули в сознании неожиданной вспышкой. На мгновение она вновь была в тёмном переулке, в парике перед преступником в маске. Эвелин стиснула зубы и резким движением натянула перчатки. Ей этот совет больше никогда не пригодится.

Экипаж с фамильным гербом уже ждал её у входа. Сегодня вечером Эвелин предстояло посетить салон вдовы Лармонт, с которым мог конкурировать лишь салон мадемуазель Винтеллы. Обе хозяйки с радостью открывали двери для писателей, поэтов, учёных, художников и видных личностей. Здесь происхождение не играло особой роли, если человек будоражил публику своими мыслями или если искусство прославило его на всю Пангею.

Единственной причиной, по которой салон мадемуазель Винтеллы был чуть менее посещаем, была Эвелин. Так повелось, что девушка имела приятельские отношения с ныне вдовой Лореной Лармонт, носившей в девичестве фамилию де Вилон. Лорена, как и Эвелин, была одним из пяти цветков Пангеи. И недолгий брак не смог отнять у неё звания одной из прекраснейших женщин империи. А когда два цветка собираются в одном салоне это невольно повышает популярность места.

Экипаж остановился у дверей салона, и слуги поспешили открыть двери для новопривывшей гостьи. Внутри уже играла музыка, из люстр лился мягкий свет, а посетители салона вели беседы с бокалами в руках. Эвелин плавно шагнула внутрь, вежливо улыбаясь и отвечая на приветствия.

- Эвелин! Моя дорогая жемчужина. Как я рада, что ты почтила нас сегодня своим визитом. Признаться, я скучала без твоих выразительных взглядов и тихих комментариев, - Лорена, блистательно улыбаясь, встретила гостью, успев по пути игриво подмигнуть какому-то юноше, в ответ на комплимент о своей грации. - Сегодня твой жених не почтит нас своим присутствием?

Лорена Лармонт происходила из южной аристократии, поэтому и красота её была подобна палящему солнцу приморских городов. Чуть смуглая от природы кожа, хоть и не соответствовала эталонной бледности, была подобна шёлку. Высокий рост и статная фигура, которой в тайне завидовали все благородные дочери, вкупе с роскошными вьющимися чёрными кудрями и яркими зелёными глазами делали её похожей на яркую птицу или экзотический цветок, от которого сложно отвести глаза. Другие же сравнивали её со змеей. Те тоже чаруют своей пластикой, пока не вонзают ядовитые клыки. Эвелин всегда находила это сравнение не совсем подходящим жгучему характеру Лорены. Девушка видела в приятельнице скорее зеленоглазую пантеру.

- Адриан сегодня не сможет прийти, так что, к сожалению, вам придётся наслаждаться только моим обществом, - ответила Эвелин, попутно рассматривая гостей. Многих она знала, но сегодня Лорена пригласила известную певицу Главного театра. Та пока лишь распевалась и мило общалась с гостями. Ещё девушка заприметила нескольких “новых аристократов”. Так называли купцов и горожан, купивших титул за деньги или удачно вступивших в брак, что, в сущности, было одно и то же. К сожалению, к титулу не прилагалось ни соответствующее воспитание, ни образование, ни вкус. Даже сейчас их нетрудно было определить в толпе. Они говорили слишком громко, а держались чересчур вальяжно. Не помогали и броши в россыпи камней, и яркие костюмы. Истинный аристократ был обучен сдержанности и вкусу. Его статус был виден не по блестящим украшениям и дорогим костюмам, а по осанке, манерам и безупречному образу. Лишь вглядываясь в его детали можно было понять истинный достаток.

- Вы слишком пристально смотрите на этих парвеню, дорогая, - насмешливо заметила Лорена. - И слишком предвзяты. У этих месть тоже есть интересные мысли и идеи.

- Нисколько не сомневаюсь в наличии у них мыслей, лишь в их воспитании, - Эвелин отвела от них взгляд, возвращая его к Лорене. Та усмехнулась, делая глоток из бокала и как-то мечтательно вздохнула, переведя взгляд на стеклянную дверь балкона.

- Понимаю, что вы только прибыли, но не составите мне компанию на балконе? В зале слишком душно, - хозяйка вечера вопросительно посмотрела на собеседницу, но даже в этом была лёгкая игривость заговорщика. Лорена знала о любви своей гостьи к тишине, поэтому не сомневалась в положительном ответе.

- Почту за честь составить вам компанию, - иронично ответила Эвелин.

Широкий балкон был украшен каменными вазами, в которых, несмотря на приближение осени, всё ещё цвели алые цветы, отдалённо похожие на лилии. Тишина здесь казалась спасением после шума зала, а воздух пах сыростью, городом и ночью. Лорена запрокинула голову, глядя на небо.

- Ах, какие же тут всё-таки тусклые звёзды. У нас на юге ночи темны, но звёзды сияют ярко, как тысячи огней над морем. Благодаря их свету не нужны лампы и свечи. А как прекрасна лунная дорожка и белая пена волн моря? Помню, как любила купаться ночью и вода была тепла, как парное молоко, зато днём она становилась прохладой и спасала от жара полуденного солнца, - она мечтательно смотрела вдаль, будто отсюда могла разглядеть южные звёзды и пену волн.

Эвелин слушала, представляя все те чарующие картины, что ей описывала Лорена. Сама она никогда не была на юге империи, поэтому истории приятельницы для неё были похожи на сказку.

- Раз вы так скучаете по родным краям, почему после смерти вернулись сюда? У нас нет столь чудесных пейзажей. - она хотела ещё сказать, что свободы в Пертрене при нынешнем императоре тоже, куда меньше, чем в других регионах, но промолчала. Дочери Де Ля Рош не стоило даже косвенно критиковать политику и власть. Особенно сейчас.

- Вам же известно, что южный регион исторически отличался независимостью? - грустно улыбаясь, спросила Лорена. Эвелин кивнула. Юг был богат плодородной землёй, рыбным промыслом, сырами и винами. Помимо этого именно оттуда вглубь страны шли торговые маршруты, что делало этот регион экономически независимым. Это была одна из основных причин, почему и во времена феодальной раздробленности, и позже именно эти земли с большой неохотой принимали власть монарха и только на своих условиях. Изменить это смог только дед нынешнего правителя - Ричард VII.

- В моих родных землях всегда пахло свободой и нравы были куда более вольные, чем у столичной знати. Но сейчас... Сейчас от прежних времён мало что осталось. Волею нашего императора Рудольфа, чтоб ему долго правилось, - пожелание южанки прозвучало хлеще, чем ругательство старого матроса.

- Вы о новых пошлинах? - аккуратно уточнила Эвелин. Она только слышала о них и читала в новостях.

- Вы правильно поняли, дорогая, - невесело усмехнувшись, отсалютовала ей бокалом Лорена. - Он начал вводить ограничения три года назад. Сразу после неудавшегося Собора трёх. Но с тех пор всё стало только хуже. Мои друзья на Юге писали, что возможно там введут комендантский час. Так что в столице сейчас куда легче дышится.

Эвелин чуть сильнее сжала бокал. Новости вызывали в ней недовольство и злость, но девушка как всегда почти полностью задавила их. Она сочувствовала хозяйке салона. Но, возможно, такие нововведения были лучше возможных беспорядков.

- Думаю, у нашего императора могли быть причины для подобных мер, - слова прозвучали почти вопросительно, и Лорена улыбнулась ей почти со снисхождением.

- У этой причины белая маска и острый юмор, - заметив, как собеседница слегка поморщилась, вдова почти рассмеялась. - Верно, дорогая. Нашего императора пугает, что Шут может найти себе друзей в южных краях. Возможно, эти волнения и не беспочвенны, но мне это неизвестно.

Лорена кинула на Эвелин насмешливый взгляд и сказала уже в дверях балкона, улыбаясь своей коронной улыбкой хитрой кошки.

- Моя жизнь, на счастье, мало связана с политикой, поэтому предпочту наслаждаться огнями моего салона. Хорошего вечера, мадемуазель Де Ля Рош.

Эвелин задержалась на балконе ещё на пару мгновений. Разговор осел тяжестью на душе. Такое бывает, когда ты наблюдаешь за сбоем механизма, который исправно работал всю твою жизнь. Лорена сказала, что давление на юг усилилось три года назад. Девушка хорошо помнила те события. Тогда Пангея проигрывала войну, начатую Рудольфом III для поднятия авторитета страны на международной арене. Войска терпели поражение, в стране поднялась волна недовольства и тогда объявили о созыве Собора трёх. Это был совет из представителей трёх сословий: духовенство, дворянство и третьего, включавшего всех остальных. В последний раз он собирался только при Ричарде VII. Многие думали, что таким образом нынешний император наконец решил прислушаться к своим подданным и их проблемам. Однако Собор распустили раньше, чем они успели к чему-то прийти. Причиной стало событие, которого никто не ожидал. Революция в соседней стране Аргонии. Монаршую семью свергли, а ведущим сословием стали нувориши и парвеню. Дельцы, возомнившие себя знатью.

Рудольф III испугался, что подобное произойдёт и в Пангее. Собор распустили, цензуру усилили, как и Тайную канцелярию. Но Эвелин запомнила тот год по совершенно иной причине. Брат Эвелин не вернулся тогда с войны. Он не умер. Но предпочёл жизнь за границей возвращению домой. Отцу Лоран написал, что война расширила его горизонты и он хочет посмотреть на жизнь в других странах. Эвелин же пришло письмо, в котором брат писал о своём восхищении свободой взглядов в Аргонии и других государствах. На их фоне родная Пангея кажется клеткой, в которой он более не хочет сидеть. Тем не менее брат исправно писал письма любимой сестре и матери.

Эвелин сделала небольшой глоток из своего бокала. Она не любила вкус вина. Даже лёгкого, которое подавалось на приёме, но статус обязывал на вечерах пить этот горький напиток. Сейчас это оказалось кстати. Вкус вернул девушку к реальности, и она двинулась обратно в зал.

Время шло незаметно. Она приветствовала знакомых, иногда останавливалась, слушая дискуссии о природе человеческой души. Данный вопрос к неудовольствию церкви всё чаще стал волновать людей, чему способствовало развитие медицины и других наук. Но больше девушку заинтересовал горячий спор между месье Мартеном, буржуа лет 60, который поставлял камень для строительства многим знатным домам, и студентом. Его Эвелин либо не знала, либо не помнила.

- Извольте, молодой человек. Всем известно, что власть монарха одобрена единым Богом. Он управляет землями, а помогают ему три сословия. Духовенство, которое молится за страну, знать, которая защищает страну, и третье сословие, как мы с вами, которое работает для страны. И такой уклад уже многие века! А вы говорите какую-то небывалую околесицу, - густые брови Мартена были недовольно сведены, и он буравил взглядом молодого человека перед собой.

- Ваши понятия давно устарели, месье! Как писал Рассел, люди равны между друг другом как элементы природы равны между собой. А власть монарха лишь результат общественного договора и воплощение воли народа. Если бы мы изучили законы мира, то смогли бы построить идеальное общество, а не топтаться на месте столетиями! - пылко возражая оппоненту, юноша не заметил, как повысил голос.

- Вот из-за подобного бреда и запретили труды Рассела. И правильно сделали! - мужчина махнул рукой, показывая всё своё пренебрежение к философу. - Природа одно, человек же существо совсем иное. Посмотрите на Аргонию. Там начитались подобных трудов, нарушили божественный порядок. И в итоге только хаос и смерти. И монарха они спустя два года всё равно вернули на трон.

- Вернули, но власть ограничили. И теперь живут лучше прежнего, - заверил студент. - А жертвы... Это была плата за строительство идеального мира.

- Извините, месье, вы хотите сказать, что, если бы вам прямо сейчас сказали, что ради строительства вашей утопии нужно насадить ваше тело на пику и выставить на три дня, то вы бы согласились немедленно? - Эвелин иронично приподняла бровь, глядя на студента.

- Мадемуазель Де Ля Рош? - встретившись с её синими глазами юноша поспешно спрятал свои за русой чёлкой и слегка покраснел. - Я... Ну... Может быть...

- Сколько уверенности в голосе, месье, - рассмеялся Мартен и тепло улыбнулся Эвелин.
- Ваши замечания как всегда точны, мадемуазель.

Девушка кивнула в ответ, пряча усмешку в уголках губ. Мартен всегда производил на неё хорошее впечатление и Эвелин симпатизировала этому старику. Поместье Де Ля Рош не раз покупало у него материалы и этот буржуа всегда был честен в сделках. Однако она сама тоже читала труды Рассела до того, как их запретили. Конечно, некоторые его мысли казались ей если не наивными, то идеалистическими, но теория общественного договора ей была близка. И если бы молодой человек не говорил так просто о крови, то, возможно, она и встала бы на его сторону.

- А я вот слышала, что на Востоке верят в божие благословение. Если оно у правителя есть, то государство процветает и свергнуть правителя не получится. Если засуха или неурожай, то правитель утратил благословение, а тот, кто его убил, наоборот, получает, - вклинилась в разговор молодая дворянка с горящими глазами. Эвелин видела её несколько раз на приёмах и запомнила из-за рыжего отлива в волосах. Кажется, её звали мадемуазель Жаннет.

- На Востоке и в единого Бога не верят. Так что подобная дикость нисколько не удивляет, - отмахнулся Мартен, но Эвелин уже не смотрела на них. Её внимание привлёк спешащий слуга. Слишком обеспокоенным и даже испуганным было его лицо, когда он подошёл к флиртовавшей с каким-то вдовцом Лорене. Лицо той вмиг посерьёзнело, стоило ей услышать новости. Стоило слуге отойти, как Лорена поднялась на сцену и аккуратно постучала по бокалу, чтобы привлечь к себе внимание.

- Дорогие гости! Мне прискорбно это сообщать, но я вынуждена прервать сегодняшнюю встречу. На соседней улице толпа горожан хотела обокрасть пекарню. Это переросло в протест. На данный момент наши доблестные служители порядка уже на месте, но из опасений, что недовольные могут пойти сюда, вам стоит сейчас же вернуться в родные дома, избегая Розовой улицы. Приношу извинение за подобное завершение вечера, - она слегка склонила голову, завершая речь. Гости загудели, музыка прервалась. Кто-то сразу предпочёл как можно быстрее направиться на выход, кто-то обсуждал услышанное. Лорена же уже отдавала распоряжения слугам. Эвелин поставила бокал на столик. Медленно, будто боялась расплескать содержимое. Она сделала глубокий вздох. Потом ещё один. Протесты происходили время от времени, но никогда ещё Эвелин не оказывалась к ним так близко. И редко подобное начиналось не с выкрикивания лозунгов, а с попытки ограбить магазин. Скорее всего, причиной послужил рост цен на хлеб.

- Вы не идёте, мадемуазель Де Ля Рош? - послышался неуверенный голос Жаннет.

- Я как раз собираюсь. Вам тоже стоит поспешить, - губы привычно расплылись в вежливой и спокойной улыбке, явно приободрившей девушку. Раз Эвелин Де Ля Рош так спокойна, может и волноваться не следует? Жаннет поспешила на выход, а Эвелин заставила себя двинуться следом. Она не была в ужасе, но происходившее её беспокоило, что Де Ля Рош прекрасно скрывала. Если не ехать в карете по Розовой улице, то ничего и не произойдёт, но само то, что подобное произошло вблизи салона. И смогут ли жандармы сдержать толпу? Много ли там протестующих?

На улице она села в свою карету и тут же взяла книгу, оставленную ею на сиденье. Чтение часто скрашивало дорогу, поэтому в экипаже всегда лежал какой-нибудь роман или трактат. Сейчас это помогло бы отвлечься от тревожных мыслей, а света небольших ламп внутри кареты хватало, чтобы хорошо видеть текст.

Несколько минут она спокойно ехала, пока кучер резко не остановил коней, ругаясь на какого-то пьяницу. Эвелин отодвинула штору, выглядывая. Видимо, перебрав, мужчина упал прямо перед лошадьми и кучер едва успел затормозить. Продолжая ругаться, он отволакивал выпивоху прочь с дороги. Девушка расслабленно опустила плечи, пока не почувствовала лёгкое дуновение ветра.

Эвелин не успела обернуться. Её рот накрыла широкая ладонь в перчатке, а дверца кареты почти беззвучно закрылась.

- Не бойтесь, мадемуазель Крыша. Это всего лишь ваш верный спаситель и недавний знакомый - Шут, - насмешливо сообщил голос над ухом и Эвелин почувствовала, как кровь отливает от лица. В мгновение она поняла две вещи. В её карете преступник и он знает, кем была брюнетка на крыше университета.

Тем временем кучер сел на своём месте и экипаж тронулся дальше как ни в чём не бывало.

- Даю своё честное слово, что уберу ладонь с вашего лица, если сиятельная мадемуазель пообещает не поднимать ненужного шума, - Эвелин почти чувствовала холод его маски у своего уха и медленно кивнула. Шут тут же отпустил её, садясь напротив и демонстративно поднял руки, показывая, что безобиден. На нём был чёрный плащ с капюшоном, под которым угадывалась пародия на форму жандарма. Она лишь успела заметить, что вместо обычных пуговиц были золочёные пустые бубенцы.

- Месье Шут, с вашей стороны крайне невежливо забираться в чужой экипаж без приглашения, - она вежливо улыбнулась, но её разум лихорадочно искал пути спасения. Крикнуть? Он слишком близко и успеет вновь зажать ей рот. Попробовать выпрыгнуть из кареты? Она просто сломает себе шею. Оставалось вести беседу и не провоцировать.

- Приношу глубочайшие извинения за столь непозволительную грубость со стороны моей скромной персоны, - он театрально поклонился, прижимая одну руку к сердцу, а другую отведя в сторону. Теперь было видно, что на его мундире вместо эполетов были нашиты маски арлекина. - Но в своё оправдание могу сказать, что был уверен в вашей радости при нашей новой встрече. Кстати, золото вам и правда больше к лицу, чем чёрный.

- Это единственная причина вашего вторжения? - уточнила Эвелин, сохраняя доброжелательный тон и внимательно следя за его движениями. Если бы она могла видеть его лицо, а не бездушную улыбку маски, ей было бы легче читать настроение собеседника.

- Увы, нет, сиятельная мадемуазель. Как бы я не был рад нашему неожиданному свиданию в эту прекрасную ночь, пусть оно и не на крыше, но в первую очередь я бы хотел здесь спрятаться от наших общих знакомых, - он слегка склонил голову набок и усмехнулся. - Я про тех, которые обожают огнестрельное оружие.

- Боюсь, здесь негде прятаться, месье Шут, - Эвелин позволила себе ироничным взглядом обвести небольшое пространство кареты.

- Ошибаетесь, мадемуазель Крыша. По мне не скажешь, но я, знаете ли, могу быть крайне компактным. Прямо как багаж, - он указал пальцем на сиденье под собой. Там находился вместительный ящик для вещей. - Вы же не хотите, чтобы меня поймали прямо в вашей уютной карете?

Эвелин почти не вздрогнула от этого вопроса. С одной стороны, в случае, если его арестуют прямо здесь, Эвелин может сказать, что её жизни угрожали. С другой, Шут может рассказать, кого жандармы преследовали в ночь поимки Леблана. Даже если ему не поверят, будут проверять. А значит может вскрыться, что она и есть Золотая Лебедь.

- Решайте быстрее, мадемуазель Крыша. Я уже слышу наших блюстителей порядка, - почти ласковым голосом поторопил Шут. Она не могла утверждать, но, кажется, его сместили мучения девушки.

- Полезайте, - подавив тяжёлый вздох, коротко сказала Эвелин. Она позволила прикрыть себе глаза, пока Шут прятался. Через мгновение на улице послышался возглас.

- Остановите карету именем закона! Ищем опасного преступника.

Кучер тут же натянул поводья и четвёрка коней застыла, недовольно ржа. Эвелин заставила себя натянуть вежливую улыбку. Она слышала, как при виде герба один из жандармов шёпотом спрашивал второго, стоит ли останавливать кого-то из Де Ля Рош. Это придало ей больше уверенности. Они вряд ли подозревают её в укрывательстве. И они боятся её знатности. Уже преимущества. А значит можно позволить себе немного расслабиться.

- Добрый вечер, месье, - нейтрально поздоровалась она, когда дверца кареты открылась.

- Мадемуазель Де Ля Рош, - почти синхронно поклонились мужчины и отдали честь. Затем старший в паре вновь посмотрел на дочь министра - Извините за беспокойство. Мы ищем одного опасного преступника. Вы не видели ничего подозрительного?

Эвелин внимательно наблюдала, как цепкий взгляд старшего жандарма скользит по сидениям кареты. Девушка с трудом удержалась, чтобы не кинуть взгляд на убежище Шута.

- Извините, но нет. Я была увлечена чтением, - Эвелин показала им книгу, о которой чудом вспомнила. Она только сейчас поняла, что всё это время держала ту на своих коленях.

- Благодарим за сотрудничество, мадемуазель. В таком случае, хорошего Вам вечера и будьте осторожны, - мужчина закрыл дверь и махнул кучеру. Экипаж тут же двинулся дальше, мерно покачиваясь на неровной брусчатке.

- Думаю, теперь вы можете выбирать, - ровным голосом сказала Эвелин, и Шут не заставил себя ждать, быстро выбравшись из ящика под сиденьем.

- Благодарю, очаровательная мадемуазель, что не передали меня в заботливые руки славных служителей правосудия, - он галантно поклонился, но от иронии в его голосе можно было задохнуться.

- Не стоит. Считайте это благодарностью за тот раз, когда не дали мне упасть с крыши, - Эвелин сидела всё так же прямо и улыбалась как недавно в салоне. Но она надеялась, что он поймёт намёк. Она выручила его и долг девушки перед Шутом за спасение той ночью погашен.

- Ах, вы про тот случай! Тогда, к сожалению, не успел поинтересоваться, но что сиятельная дочь министра Просвещения делала ночью на крыше? - он вальяжно закинул ногу на ногу, устраиваясь поудобнее и явно не спеша покидать чужую карету. - Просто представьте моё удивление. Обычно на крышах мне встречались птицы, да бродячие коты. Пару раз видел влюблённых парочек и пьяниц, но вот знатных дам до того вечера встречать не доводилось. Или я чего-то не знаю о новых модных веяниях в аристократических кругах?

- Месье Шут, я же не спрашиваю вас, как вы умудрились проникнуть в мою карету и почему вас преследуют на этот раз? Так оставьте и мне возможность сохранить мои девичьи секреты, - милая улыбка появилась на губах, пока она слышала учащённое биение своего сердца. Он впервые прямо указал на её личность за весь разговор. Конечно, и раньше было очевидно, что Шут уже всё знает, но от прямых подтверждений становилось страшнее.

Её собеседник тем временем склонил голову набок. Сквозь прорези было трудно разглядеть его глаза, но она чувствовала, как он её разглядывает.

- Мадемуазель Крыша, неужели вы несколько не боитесь, оказавшись в замкнутом пространстве с самым разыскиваемым преступником империи? - Он наклонился вперёд и маска замерла в nepозволительной близости от лица девушки. Эвелин не позволила себе отшатнуться и ответила тем взглядом, которым обычно смотрела на особо раздражающего парвеню.

- Сомневаюсь, что мой страх как-то меня спасёт, месье Вор, - это было сказано всё тем же спокойным тоном с всё той же улыбкой. Шут отстранился и задрал голову. Из глубин маски послышался смех.

- Примите моё глубокое восхищение, мадемуазель. Не каждый мужчина может похвастаться вашей выдержкой, - и он вновь театрально поклонился, прижимая одну руку к груди, а другую отводя в сторону. Второй раз за эту встречу.

- Вы мне льстите, - отчеканила Эвелин заученный ответ. - Лучше скажите, куда вас отвезти?

Тонкий намёк поскорее убраться гость явно специально не заметил.

- С вашей стороны было бы крайне мило меня подвезти, но, боюсь, для этого вам придётся сделать очень большой круг по всему городу.

- Вот как? И что вы в таком случае предлагаете? - сдержанно поинтересовалась девушка.

- Вы можете высадить меня неподалёку от вашего дома, - невинно предложил преступник.

- Думаю, лучше, если вы выйдете неподалёку от площади Висельника. Там много улочек, где вы сможете затеряться, - мило улыбаясь предложила Эвелин. Она чувствовала, как страх постепенно сменяется злостью. Девушка тут же отдала распоряжение кучеру, не дожидаясь ответа собеседника.

- Как это любезно с вашей стороны, позаботиться о том, чтобы я точно мог скрыться, - почти умилился Шут. - Может моя спасительница скажет своё имя? Не то чтобы я его не знал, но в ваших кругах, кажется, крайне высоко ценится вежливость.

- Думаю, месье Шут, отсутствие знания имён придаёт нашему общению определённый шарм, - любезно ответила Эвелин. Он явно смеялся над ней и этикетом высшего света. Ведь, по правилам приличия, ты не имел права обратиться к человеку по имени, даже если оно тебе было известно, пока вас не представят друг другу или пока собеседник не назовётся лично.

- Раз того желает мадемуазель... - протянул мужчина, переводя взгляд на книгу, о которой она опять забыла. Обложка чудом не помялась, находясь в тисках напряжённых девичьих пальцев. - Позвольте полюбопытствовать, что за издание смогло привлечь ваше внимание?

- Труд по философии, - любезно ответила Эвелин почти не задумываясь.

- Какой интересный выбор книги, - заметил собеседник, явно читая название. - Признаться, думал вы читаете какой-нибудь милый роман из тех, что популярен среди благородных дам.

- О, вы несильно ошиблись, - Эвелин сдержала усмешку и совершенно честно призналась. - Такой роман ждёт меня дома на прикроватной тумбочке.

- Вот как, - протянул Шут, откровенно забавляясь. - Неужели описанные в подобных романах страсти больше склоняют к крепкому сну, чем труды по философии?

Он вновь чуть склонился к девушке, но ответить она не успела. Кучер остановился.

- Что ж, думаю вам пора. Доброй ночи, - Эвелин вежливо улыбнулась на прощание, скрывая вздох облегчения. Но она явно поторопилась расслабляться.

Прежде чем бесшумно покинуть карету, Шут лёгким движением взял её правую руку в перчатке и приложил к маске в районе нарисованной улыбки.

- Доброй ночи, мадемуазель Крыша. Был рад нашей беседе, - дверца кареты почти закрылась, когда Шут добавил. - Надеюсь при следующей встрече мне повезёт, и вы будете без перчаток.

Он растворился в темноте раньше, чем Эвелин успела оправиться от шока. Она не привыкла к столь двусмысленным намёкам в свой адрес. Особенно от преступников.

- Вот же бесстыжий... - подобрать приличных эпитетов, способных описать этого наглого типа у Эвелин не получилось, и она в первый раз посчитала свой словарный запас скудным. Ей оставалось лишь раздражённо выдохнуть, переставая улыбаться и откидываясь на удобное сиденье. Манеры и этикет - маска ничуть не менее эффективная, чем у Шута, но куда более трудозатратная.

От встречи с ним сердце до сих пор заходило, а мысли панически бегали, представляя, как для неё могла закончиться эта поездка и какими последствиями обернётся в дальнейшем.

Бросив рассеянный взгляд на свои руки, она застыла. Перчатки на левой руке не было и не нужно было работать в жандармерии, чтобы догадаться, кто незаметно её снял, пока имитировал поцелуй другой ладони. Эвелин усмехнулась. Шут умел не только пугать, но и интриговать. Однако девушка искренне надеялась, что знаменитый преступник не будет настолько в ней заинтересован, чтобы узнать её секрет. Если уже не знал.

Глава 5. Нижний город

Шут шёл по подземному проходу. Свой пародийный костюм жандарма он сменил на обычную рубашку, старый сюртук и пальто, которое не жалко, но спасавшее от холода подземелий и осенних ветров. Под высокими сапогами хлюпали мутные лужи грязи. Нос уже привык к запахам застоявшейся воды, плесени и нечистот. Или Шут просто заставлял себя не обращать на это внимание, подсвечивая дорогу жёлтым светом фонаря и считая повороты. Ещё два года назад он мог ходить по этим тоннелям исключительно с картой. И даже это не всегда спасало. Частенько приходилось бродить здесь часами, ища, где не там повернул.

Жители Пертрена большую часть времени старались не помнить, что под их ногами находится настоящий лабиринт, ставший почти городской легендой. Говорили, что ещё в эпоху Древнего царства здесь были каменоломни. Потом в век Упадки начали вырывать катакомбы, а также прокладывать ходы к ушедшим под землю древним храмам. Мол, из-за этого под Пертреном на самом деле целый Нижний город, где покоятся кости и ходят призраки.

Шуту же было откровенно плевать на историю этого места и на байки, которые ходили. Главное, сюда редко суются жандармы, а если и решаются зайти, быстро путаются в многочисленных переходах. Это делало Нижний город идеальным убежищем для их общества заговорщиков - Союза Свободы. В своё время они даже думали перенести сюда подпольную печать Тени, но высокая влажность и крысы стали аргументом против.

Где-то впереди послышался писк, и Шут чуть не споткнулся от неожиданности. Чертыхаясь, он пнул носком сапога мелкий камешек в темноту, разгоняя грызунов, и тут же заметил, что едва не пропустил поворот. Шут невесело усмехнулся. Конечно, в завершение этой проклятой ночи не хватало только заблудиться в собственном убежище. Раздражённо пнув камешок ещё раз, просто чтобы выместить злость, революционер зашагал по сужающемуся коридору, уходящему вниз.

Голова болела. Усталость прошедших дней давала о себе знать. Ещё и весь план, над которым они работали бессонными ночами пошёл насмарку.

Пока Леон собирал информацию о несравненной госпоже Де Ля Рош, Шут со своими верными соратниками планировал кражу из императорского музея. Изучить распорядок охраны, найти лазейки в защите - это было не сложно.

Сложнее было всё рассчитать. С недавних пор жандармы усилили патрули. Особенно у государственных учреждений. Это значило, что нужно было их слегка рассредоточить. Отвлечь внимание. Подговорить людей пойти к булочной было не сложно. Народ и без того был на взводе, так что Марго смогла направить их в нужную точку. Таким образом часть жандармов, патрулирующих улицы и площадь возле музея, отвлеклась на шум. Вторую часть по плану должен был отвлечь на себя Шут, со свойственной ему театральностью похитив кольцо одной из прошлых императриц. Это помогло бы Полю незаметно вынести из архивов старые чертежи дворца и тюрьмы. Настоящей жемчужиной этого плана была Эвелин Де Ля Рош. Стоило Леону сказать, что эта сиятельная мадемуазель намерена посетить салон Лорены на этой неделе и в голове Шута последняя шестерёнка встала на своё место. День своего преступления они поставили тем же днём, что и собрание у вдовы Лармонт. А дальше самым большим риском стало время. Чтобы слуга вовремя сказал Лорене о необходимости прекращения встречи. Чтобы Шут успел выбраться из музея и оторваться от жандармов. Чтобы сама Де Ля Рош не уехала с вечера раньше. Но Шут любил риск. Механизм заработал. И сломался в том месте, где никто из них не ожидал. Потому что к предательству Шут не привык.

На нижнем ярусе подземелий было заметно чище. Каменная кладка стен помнила ещё те века, когда Пертрэн не был столицей. А через несколько шагов кирпич сменили кости и черепа. Многие члены Союза Свободы боялись сюда заходить и клялись на стакане абсента,

что слышали голоса мёртвых. Видимо, Шут был глухим, потому что ничего подобного ни разу не слышал, хотя спускался в эту часть регулярно.

Впереди показался полукруглый зал, некогда бывший подземной часовней. В центре сидел человек. Его привязали к стулу и заткнули рот кляпом. Глаз мужчины заплыл, и Шут довольно посмотрел на дело рук своих. Хотя мог и посильнее ударить.

- Доброй ночи, Жан. Прости, задержался. Подчищал за твоим предательством, - он остановился напротив и не спешил вынимать кляп. Здоровый глаз Жана расширился, увидев белую полумаску, не скрывающую жёсткую усмешку насмешника. Тот, в свою очередь, достал кинжал и начал ходить вокруг стула как волк вокруг добычи.

- И как? Нравится, что из-за тебя застрелили Поля? Что мы не забрали чертежи? Что Морлок теперь знает наши планы? - он остановился перед связанным и вырвал кляп. Жан закашлялся, сгибаясь пополам, насколько позволяли верёвки.

- Я... Я не предатель! Ты что-то перепутал. Они... Просто поймали, - голос предателя хрипел. Он постоянно заикался и отводил взгляд от насмешника, глядя куда-то себе под ноги.

- Да неужели! - картинно удивился Шут. - Ах, прости мою вопиющую ошибку! Как это я так о тебе подумал?

Его рука метнулась, лезвием приподнимая подбородок мужчины. Острый клинок слегка порезал кожу и под придушенный писк Жана алая капля покатилась по шее, смешиваясь с грязью и потом.

- Вот только знаешь, что не вяжется? Именно ты должен был помочь Полю выйти. Ждать его в переулке и помочь скрыться. Но тебя там почему-то не было. Зато жандармы ждали Поля, - голос Шута опустился до холодного шёпота. Глаза сквозь прорези белой полумаски смотрели холодно и зло. - Но они не знали, что будут волнения у пекарни. И не знали, что я украду колье. А знаешь почему, дорогой Жан?

Клинок надавил чуть сильнее, заставляя мужчину запрокинуть голову выше и почти не дышать. Только поскуливать от ощущения того, как сталь медленно углубляет порез.

- Потому что все участники операции знают только свою часть плана. Страховка от таких как ты, - Шут наклонился к самому уху предателя и вкрадчиво спросил. - Как давно ты работаешь на Морлока, друг мой?

- Я не... - договорить он не успел. Шут с размаху полоснул кинжалом по щеке предателя. Кровь закапала на брюки Жана, пока тот выл. Он непроизвольно дёргался, стремясь коснуться раны. Прикрыть. Но лишь бился как муха в паутине. Шут ждал, глядя на это. Он не испытывал никакого удовольствия от подобного зрелища. Но оно было необходимо. Когда Жан затих, всхлипывая как свинья на скотобойне, Шут протянул руку в перчатке и сдвинул его щеки пальцами. Перчатки тут же пропитались кровью.

- Теперь мы заговорим? Или продолжить? - холодно поинтересовался Шут.

- Это... Это же часовня. Дом Бога! - задыхаясь попытался образумить своего мучителя бывший революционер.

- Ничего страшного, - любезно улыбнулся Шут. - Бог мне не мешает. Теперь ответишь?

- Два месяца. Я работаю на него два месяца, - из глаз Жана текли слёзы. - Но я не хотел! Он угрожал моей семьей! Моей матери и сестре.

- Вот как, - Шут сощурился. - А тебе разве не говорили? Когда ты решил стать одним из нас? Наша цель - революция. И чтобы её достичь придётся жертвовать многим, рисковать ради общего дела и ради будущего страны.

- Но... Они же не при чём. Моя семья, - Жан умоляюще посмотрел на него, будто надеясь найти понимание.

- Стали при чём, когда ты стал одним из нас, - отрезал Шут. - Но ты предал. Между личным и идеей предпочёл личное.

Он отпустил щеки Жана и отошёл на шаг, глядя на трясущуюся фигуру с презрением.

- А зачем мне новый мир, если бы в нём не было моей семьи? - прошептал Жан. Он уже не всхлипывал. Молча плакал, глядя на свои ноги.

Шут приподнял под маской бровь.

- Чтобы сотни и тысячи других несчастных могли жить достойно, - холодно ответил он и, помедлив, добавил. - Но если говорить о семьях... Жена и дочери Поля остались без отца и мужа. Твоими стараниями. А теперь скажи, как много ты слил Морлоку за это время? Кто ещё на него работает?

- Я рассказал ему немного. Сказал, что мы используем прозвища вместо имён. Особенно те, кто ближе к тебе. И рассказывал о некоторых наших сходках, которые знал, - он говорил тихо, и Шут присел на корточки почти вплотную, чтобы слышать лучше.

- Повезло, что ты был только мальчиком на побегушках, - усмехнулся он. - Что про остальных шпионов?

- Не знаю! Мне не говорили! - отчаянно закричал Жан, и Шут недобро прищурился. Его рука с кинжалом метнулась, оставляя симметричный надрез на второй щеке.

- Лучше говори по-хорошему, Жан. Я не хочу больше терять людей из-за таких как ты!

- Я правда не знаю! - и, боясь очередного удара, Жан быстро заговорил, преодолевая боль.

- Список! У Морлока есть список его шпионов. Там есть всё!

- Где он хранится? - Шут приставил кончик клинка к горлу мужчины.

- Не знаю точно! Только то, что он существует! И что Морлок разделил его на несколько частей.

- Это всё? - уточнил Шут, и Жан судорожно закивал.

- Больше ничего не знаю. Отпустите меня, пожалуйста! - он с мольбой заглянул в прорези полумаски.

- Не могу, - за лаконичным ответом последовал выверенный удар кинжала. Жан замолчал навсегда, а капли крови попали на рукав Шута. Тот глубоко вздохнул, отходя от тела и вытирая оружие о всё тот же рукав. Всё равно пальто выкидывать. И перчатки. А лучше сжечь.

Не думая о грязи и холоде, он сел прямо на пол, облокотившись затылком о стену. Кровь мерно капала с горла и щёк трупа. Кап. Кап. Кап. Шут закрыл глаза. В воспоминаниях тут же появился улыбающийся Поль. Они звали его Филин, за удивительное сходство с этой птицей. Он владел маленьким книжным магазинчиком, перешедшим ему от отца, а до этого работал архивариусом. Филин был тем, кто предложил выкрасть чертежи, потому что не смог найти их в университетской библиотеке и среди других архивов. Шут предлагал, чтобы в деле участвовал кто-то другой, но Филин настаивал. Разве опасно просто вынести бумаги? Оказалось, не просто опасно. Смертельно. Теперь его книжную лавку обыщут и изымут всю запрещённую литературу, которую Поль распространял. А его жена и дочери... Они ничего не знали и, скорее всего, Морлок их отпустит, но как им жить без кормильца и лавки? Шут внутренне поставил засечку, попросить Тень выделить средства на поддержку семьи Поля... И Жана.

Он открыл глаза и посмотрел на бездыханного бывшего товарища. Предатель расплатился за преступление жизнью. Но его мать и сестра никого не подставляли. Шут внутренне поморщился от этих мыслей. Не нужно было тратить средства Союза Свободы на кого попало, но раздражающая часть его не могла поступить иначе.

В проходе послышались шаги. Неспешные и слегка шаркающие. Шут поднял голову, уже зная, кого увидит. В часовню вошёл невысокий, угловатый мужчина лет 35. Увидев такого на улице, забудешь, не успев отвести глаз. Тонкие губы, нездоровый, почти жёлтый цвет кожи, редкие подстриженные волосы, цвет которых был то ли грязно-каштановым, то ли угольным. Одет вошедший был скромно, но аккуратно. Сюртук застёгнут на все пуговицы, рубашка отглажена, шарф идеально завязан. Единственное, что выбивалось из его серого облика - это карие глаза, смотревшие на мир острым, пронзительным взглядом.

- Тень, - даже сидя тело само вытянулось в струнку и кивок вышел почти армейским приветствием. Некоторые привычки Шут, видимо, никогда не сможет искоренить. Полумаску он не стал снимать, хотя собеседник и знал его настоящее лицо.

- Ты всё-таки его убил, - голос Тени походил на каркающий шёпот, из-за чего он никогда не был хорошим оратором.

- Иначе нельзя, - отозвался насмешник. Тень лишь покачал головой. Он не любил насилие, но ему приходилось признавать необходимость жертв. - Вы пришли полюбоваться потрясающей картиной возмездия? Каюсь, вон то кровавое пятно явно лишнее. Нарушает общую композицию.

- Я пришёл из-за новостей от Леблана, - прошелестел Тень, отворачиваясь от трупа и прикрывая лицо платком. Цвет его кожи стал ещё менее здоровым. - Он и правда пытается убедить Морлока, что является Лебедем.

- Да неужели? - бровь под маской взметнулась вверх. - И как? Успешно? Или многоуважаемый глава Тайной канцелярии отказывается верить в литературные таланты скромного учёного?

- Сейчас важно не это, - оборвал его Тень. - Он смог передать записку с именем. Видимо, хочет, чтобы мы защитили Лебеда, если ему не удастся убедить Морлока.

- И что за имя? - Шут не смог скрыть волнение, поднявшееся в груди. Рука невольно коснулась места у груди, где хранился его экземпляр “Карнавала”. Вспомнились все теории об авторе и Шут с нарастающим нетерпением ждал заветного имени.

- Эвелин Де Ля Рош, - короткий ответ походил на выстрел жандарма.

Шут моргнул. Он ослышался? Тень что-то перепутал? Его Леблан обманул? Ну не могло это быть правдой. Не могло оказаться, что Золотой Лебедь это она. Он ещё мог поверить, что она и правда случайно оказалась у наставника. Мог принять, что она тайно помогала Золотому Лебедю... Но не то, что автор - молодая девица, едва вошедшая в брачный возраст, да ещё и с родословной сравнимой с императорской!

Он быстро перебирал в голове все их встречи. До крыши Шут пару раз видел её издалека. Она производила впечатление типичной представительницы своего сословия. Сдержанная, вежливая, скромная и тихая. Ничего особенного. Кроме внешности. Шут не мог отрицать, что звание одной из красивейших в стране ей дали заслуженно. Золотые локоны, тонкая шея, синие глаза, бледная кожа и фигура как с картин. Вот только мраморные статуи Древней эпохи Шут тоже считал красивыми. Можно полюбоваться, восхититься и пойти дальше, закатывая глаза при упоминании графской дочки.

Затем была ночь ареста Леблана. Неудивительно, что он не смог её узнать. После погони девица уже не выглядела фарфоровой куклой. Как минимум, у неё сбивалось дыхание, было порвано платье и лицо выражало что-то кроме светской пустоты.

Их встречу в карете Шут уже спланировал сам. Отчасти потому что её карета гарантировала безопасность, а общий секрет - её сотрудничество. Отчасти из любопытства. Ему была интересна её реакция и как она себя поведёт. К его приятному удивлению, у девушки было впечатляющее самообладание и даже имелось чувство юмора.

А теперь Тень говорит, что вот эта фарфоровая дочка министра - автор “Карнавала”? Шут рассмеялся. Мастер масок не заметил Лебеда под своим носом. Какой удар по самолюбию. Впрочем, Морлок ведь тоже упустил, что его будущая невестка - преступница в розыске. Значит, это не Шут идиот, а Де Ля Рош интереснее, чем можно было себе представить.

Эвелин сдёрнула вторую перчатку с руки. Экипаж продолжал мерно двигаться по мостовой, уносясь прочь от площади Висельника. В ту злополучную ночь, Шут всё-таки узнал её, несмотря на парик, темноту и платье служанки. Узнал ли он и остальное? В карете насмешник

в маске никак не намекал на её причастность к Карнавалу. Значит, возможно, ему известно не всё. Но опасно даже его знание о том, что наследница рода Де Ля Рош зачем-то была на крыше университета во время ареста Леблана.

Девушка откинулась на сиденье и прикрыла глаза, раз за разом прокручивая их диалоги. Несмотря на его преступную деятельность, она призналась самой себе, что Шут был интересным собеседником. За показной театральностью скрывались наблюдательность и ум. Это делало его лишь опаснее.

Карета подъехала к воротам поместья. Эвелин уже собиралась направиться напрямик в свои покои, принять ванну с травами и маслами, выпить успокоительную настойку и постараться уснуть, когда в холле столкнулась с отцом.

- Эви, - тепло улыбнулся Ален Де Ля Рош. Его тёмные волосы с несколькими седыми прядями были слегка растрёпаны, а в голубых глазах был лёгкий хмельной блеск. - Я тоже только что вернулся. Слышал, на улице небольшой переполох. Ты не пострадала?

Он приобнял дочь за плечи и Эвелин уловила терпкий запах женских духов на его одежде. Разумеется, такими никогда не воспользовалась бы его жена. Эвелин привычно сделала вид, что не догадалась, у кого был её отец. Как привычно притвориться и её мать.

- Всё хорошо, отец. Мы ехали другим маршрутом. Как ваша работа? - она привычно натянула улыбку. При упоминании работы отец поморщился. - Её как всегда много. Появляется всё больше книг и статей, требующих внимание. Ещё я работаю над новым законом о просвещении. Хотел бы увеличить количество светских школ для детей рабочих, но не уверен, что император одобрит.

Отец не врал. У него хватало дел и как у министра, и как у хозяина семей Де Ля Рош. Хотя с последним ему помогали жена и дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.